

# **ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПОХОДНЫХЪ ЗАПИСОКЪ**

## **РУССКАГО ОФИЦЕРА,**

**ВЕДЕННЫХЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ТУРКАМИ ВЪ 1828 И 1829 ГОДАХЪ.**

---

### **I.**

Приведеніе войскъ 2 пѣхотнаго корпуса на военное положеніе. — Движеніе 2 пѣхотнаго корпуса. — Переходъ за границу. — Прибытіе подъ крѣпость Силистрію и соединеніе съ находившимся тамъ блокаднымъ корпусомъ. — Блокада крѣпости. — Отступленіе отъ Силистріи. — Вступленіе на зимнія квартиры. — Зима 1828 года.

Едва былъ заключенъ миръ съ Персіею, какъ, съ наступленіемъ весны 1828 года, возгорѣлась война съ Турціею, и на берегахъ Дуная, уже столько разъ бывшихъ свидѣтелями битвъ Русскихъ съ мусульманами, развѣвались наши побѣдныя знамена.

Войска 2-го пѣхотнаго корпуса, штабъ котораго былъ расположенъ тогда въ городѣ Калугѣ, получили, въ началѣ іюня мѣсяца, повелѣніе перейти на вновь назначенныя имъ квартиры въ полуденныхъ губерніяхъ, а вслѣдъ затѣмъ новое приказаніе—немедленно слѣдовать на присоединеніе къ дѣйствующей противъ Турокъ арміи. Полки, артиллерійскія и фуриатскія

роты, съ чрезвычайною дѣятельностію, приводились на военное положеніе; во время самаго движенія закупали лошадей артиллерійскихъ, ремонтныхъ и подъемныхъ; формировали обозы, приводили въ комплектъ положенное по штатамъ количество боевыхъ снарядовъ; въ то же время дѣятельно занимались образованіемъ рекрутъ и молодыхъ солдатъ, обращая особое вниманіе на упражненіе ихъ на дневкахъ въ цѣльной стрѣльбѣ. Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ, предводимые своимъ корпуснымъ командиромъ, генералъ-адъютантомъ княземъ Щербатовымъ (\*), эти отличныя войска, превосходно обмундированныя и вооруженныя, въ составѣ пяти дивизій, 4, 5 и 6 пѣхотныхъ, 2 гусарской и 2 артиллерійской, общая численность которыхъ простиралась до 50,000 человекъ, перешли границу отечества въ мѣстечкѣ Скулянахъ, и вступили въ княжество Молдавское.

Съ этого незабвеннаго для меня времени, я начинаю мои походныя записки, которыя будутъ заключать въ себѣ мои воспоминанія, мои впечатлѣнія, краткіе очерки военныхъ дѣйствій тѣхъ частей войскъ, въ которыхъ я лично находился, и бѣглыя замѣтки о мѣстахъ и предметахъ, мною видѣнныхъ.

15 августа 1828 года, на разсвѣтѣ туманнаго утра, я оставилъ городъ Могилевъ на Днѣстрѣ. Переѣхавъ чрезъ плывучій мостъ, охраняемый таможенною стражею, я завернулъ въ лежащее на другомъ берегу рѣки мѣстечко Атаки, населенное исключительно Молдаванами, Жидами, Цыганами и Греками. Жители мѣстечка, въ то время, не имѣли свободнаго сообщенія съ городомъ безъ выдержанія установленнаго, карантиннаго термина; но, впрочемъ, при благоподучномъ состояніи здоровья въ Бессарабіи, эти мѣры осторожности, съ разрѣшенія начальства, были забываемы.

Отсюда до города Бѣльцы и далѣе, дорога идетъ по открытой, безплодной степи, гдѣ ничто не оживляетъ скудной и удной природы. Изрѣдка только встрѣчались намъ транспорты, огромныхъ обозовъ, слѣдовавшихъ въ дѣйствующую армію, и тянувшихся по безграницной, однообразной степи, нарушая ея мирную тишину. День былъ тягостенъ; но когда, послѣ далащаго зноя наступали чудныя, южныя ночи, мы вполне отдыхали и наслаждались.

---

(\*) Впослѣдствіи бывшій московскій генералъ-губернаторъ.

Пройдя мѣстечко Фалешти, нашъ путь до Скулянь пролегалъ по болѣ живописной мѣстности, изобилующей богатыми произведеніями земли: нѣсколько виноградниковъ, красиво разсѣянныхъ по скатамъ холмовъ, пріятно напоминали пришлецу съ сѣвера близость роскошной растительности юга.

20 августа, послѣ полудни, полки 6 пѣхотной дивизіи переходили чрезъ рѣку Прутъ, вступая въ княжество Молдавіи. Памятень мнѣ этотъ день новыми, неизвѣданными тогда еще ощущеніями. Въ первый разъ переходя границу отечества, я былъ пренеполненъ разнообразныхъ чувствъ: картина боя съ непріателемъ улыбалась мнѣ свѣтлыми надеждами блестящаго будущаго, но, съ другой стороны, неизвѣстность ожидаемаго, болѣзнь, которыя могли постигнуть каждаго изъ насъ на походѣ, раны, увѣчье въ бою наводили, въ свою очередь, и мрачныя дѣмки, которыя скоро, впрочемъ, разсѣявались въ беззаботно веселой бесѣдѣ съ товарищами.

По ту сторону Прута, впереди мѣстечка Скулянь, разстилается обширная равнина, примыкающая къ подошвѣ крутой горы, на самой вершинѣ которой, среди зелени, бѣлѣтся огромный каменный домъ молдавскаго боярина Розневана. Здѣсь, близъ мѣстечка старыя Скуляны, указываютъ на мѣсто, гдѣ, въ 1821 году, произошла кровавая схватка Грековъ съ Турками. На этой самой равнинѣ сражался отважный Йордаки, предводитель малочисленнаго отряда изъ корпуса тѣхъ возставшихъ инсургентовъ, которые пали въ Драгешанской долинѣ, сдѣлавшейся пзвѣстною по отчаянной храбрости такъ называемаго священнаго войска и безславной судьбѣ князя Александра Ипсиланти, нѣкогда состоявшаго въ русской службѣ и потомъ, послѣ своего пораженія, скрывшагося въ предѣлахъ Австріи, гдѣ онъ былъ схваченъ и заключенъ, кажется, въ крѣпость Германштатъ.

Яссы, какъ главный городъ Молдавскаго княжества, составлялъ для меня предметъ живѣйшаго любопытства, тѣмъ болѣе, что, послѣ утомительной и скучной Бессарабіи, мы въ этомъ городѣ надѣялись имѣть различныя удобства, которыхъ были лишены на походѣ.

Говорить, что Яссы прежде славилась великолѣпіемъ своихъ зданій и роскошью жителей, по въ то время мы нашли его далеко не въ блестящемъ видѣ: бывшая въ 1821 году революція Грековъ, которая навлекла на Придунайскія княжества всѣ ужасы

турецкаго деспотизма, принудила большую часть дворянства скрыться въ иностранныхъ земляхъ, оставивъ свои имѣнія на произволъ судьбы. Наконецъ, случившійся за годъ передъ нашимъ приходомъ сильный пожаръ, опустошившій лучшую и богатѣйшую часть города, довершила упадокъ прежняго его благосостоянія. Нельзя было безъ нѣкотораго сожалѣнія видѣть развалины прекрасныхъ домовъ, владѣльцы которыхъ не имѣли уже способовъ возобновить свои прежнія жилища. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживалъ дворецъ бывшаго молдавскаго господаря князя Мурузи, привлекающій донынѣ вниманіе обширностію своихъ размѣровъ и изяществомъ архитектуры.

Въ 1828 году, въ Яссахъ считалось до 50,000 жителей и около 2,000 домовъ. Бѣснота и неправильность улицъ, покрытыхъ деревянными мостовыми, весьма дурно сдѣланными, безпорядочное расположеніе строеній, лавокъ и очень неопрятныхъ базаровъ, наполненныхъ жидами, составляло, подобно прочимъ восточнымъ городамъ, отличный характеръ молдавской столицы; впрочемъ, нѣсколько красивыхъ, новѣйшей архитектуры, зданій, принадлежащихъ иностраннымъ консуламъ и негодіантамъ, здѣсь поселившимся, отчасти мирять съ наружностію города. Изъ находящихся въ довольно большомъ количествѣ церквей, я не замѣтилъ ни одной, которая бы могла привлечь особенное вниманіе по своему зодчеству или внутреннему великолѣбію. Нѣсколько мужскихъ и женскихъ монастырей, находящихся внѣ города и расположенныхъ большею частию на живописныхъ окрестныхъ высотахъ, владѣютъ обширными виноградными садами и, повидному, пользуются обильными средствами къ поддержанію своего благосостоянія.

Во все время нашего краткаго пребыванія въ Яссахъ, мы пользовались самымъ радушнымъ гостепріимствомъ въ домахъ тѣхъ гражданъ, у которыхъ намъ были отведены квартиры; сверхъ того, одинъ изъ первоклассныхъ яскихъ бояръ, г. Паллади, далъ, въ честь корнусаго командира, князя Щербатова, блестящій балъ, на которомъ присутствовало все высокое аристократическое яское общество.

Здѣсь я, въ первый разъ, видѣлъ весьма оригинальное смѣшеніе русскихъ военныхъ мундировъ съ молдаванскими и греческими костюмами мужчинъ, такъ живо напоминавшими разноплеменный востокъ; что же касается до прекраснаго пола, то всѣ дамы были одѣты очень богато и изящно, по новѣйшимъ па-

рижскимъ модамъ, что еще болѣе представляло совершенную противоположность съ костюмами ихъ мужей и кавалеровъ, которые, правду сказать, были очень неграціозны и весьма пеловки.

Каждый день, корпусный командиръ, князь Щербатовъ, производилъ смотры, проходившимъ чрезъ Яссы, нашимъ войскамъ, которые, несмотря на дальность похода, представлялись, своему начальству и многочисленному населенію молдавской столицы, въ самомъ бодромъ и блестящемъ видѣ.

27 числа, я отправился изъ Яссъ въ дальнѣйшій путь на мѣстечко Васлуй, города Бырлатъ и Фокшаны. Послѣдній городъ извѣстенъ одержанною при немъ побѣдою Русскихъ надъ Турками въ 1770 году, а въ настоящее время въ немъ было учреждено большой военный госпиталь, въ которомъ теперь находилось болѣе 1,000 человѣкъ больныхъ, между которыми было значительное число офицеровъ, раненыхъ, болѣею частию, при штурмѣ Браилова. Признаюсь, не безъ тягостнаго чувства я смотрѣлъ на многихъ молодыхъ офицеровъ, тяжело изувѣченныхъ.

4 сентября, я прибылъ въ городъ Рымникъ.

Кто изъ Русскихъ не знаетъ этого знаменитаго имени, съ которымъ соединена слава побѣдъ великаго Суворова и слава нашего оружія? Здѣсь, оживляя въ своей памяти громкія дѣла минувшаго столѣтія, я чувствовалъ, болѣе, чѣмъ когда либо, удивленіе къ нашему безсмертному полководцу.

Въ настоящее время Рымникъ незначительный городъ, въ которомъ почти не существуетъ торговли и весьма мало живущихъ обывателей; сверхъ ожиданія, мы встрѣтили здѣсь очень любезное семейство валахскихъ бояръ Николеско, въ домѣ которыхъ, по праву военнаго постоя, намъ были отведены помѣщенія. Огромный каменный домъ, съ большими залами, расписанными арабесками, съ мягкими турецкими диванами и съ фонтанами, разливавшими вокругъ себя живительную прохладу, представлялъ намъ образчикъ настоящаго восточнаго комфорта.

На другой день, отобѣдавъ у любезныхъ хозяевъ и разставшись съ ними по дружески, я отправился на слѣдующую станцію. Подъ самымъ Рымникомъ надо переѣзжать маленькую каменистую рѣчку того же имени, называющуюся полощицъ. Въ этомъ-то едва замѣтномъ протокѣ потонулъ сынъ великаго Суворова. При этомъ нельзя не вспомнить краснорѣчивыхъ словъ его исто-

рика Фукса: «О Римникъ! я тогда не зналъ еще, что ты дашь отцу имя, а сыну гробъ».

Войска 2-го пѣхотнаго корпуса продолжали свое слѣдованіе безостановочно, и, по мѣрѣ приближенія къ крѣпости Силистріи, получали предписаніе за предписаніемъ — идти форсированнымъ маршемъ; вслѣдствіе этого войска шли хотя бодро и быстро, но уже неизбежно оставляли на пути своего слѣдованія большое число усталыхъ и больныхъ солдатъ, преимущественно заболѣвавшихъ отъ вліянія климата и неумѣреннаго употребленія фруктовъ.

Получивъ предписаніе корпуснаго командира о скорѣйшемъ слѣдованіи заднихъ эшелоновъ 6-й пѣхотной дивизіи и объ устройствѣ въ городѣ Бузео военно-временнаго госпиталя, начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Ахлестышевъ, взявъ меня съ собою (\*), прибылъ въ городъ и немедленно занялся осмотромъ домовъ для помѣщенія больныхъ; на другой день всѣ нужныя къ тому распоряженія уже были почти совершенно окончены. Бузео незначительный городъ, лежащій на рѣкѣ того же имени. Здѣсь войска 2 бригады имѣли очень затруднительную переправу, сопряженную съ большой опасностью.

Вообще теченіе здѣшнихъ рѣкъ чрезвычайно непостоянно и прихотливо. Всѣ онѣ, вытекая большею частию изъ Карпатскихъ горъ, при первыхъ дождяхъ или во время таянія горныхъ снѣговъ, наполняются водою такъ быстро, что въ нѣсколько часовъ уничтожаются всѣ способы къ переправѣ.

Изъ Бузео мы ѣхали на почтовыхъ около 140 верстъ до м. Слободзенъ. Мѣстная почтовая ѣзда чрезвычайно оригинальна: въ экипажъ запрягаютъ, или, лучше сказать, кое-какъ запутываютъ въ обורванную упряжь 10, 12 и даже иногда болѣе лошадей, съ 4 или 5 ямщиками, сидящими верхомъ на своихъ клячахъ; лошади мчатся во весь опоръ, и если которая изъ нихъ окажется усталою, то ее тотчасъ отвязываютъ и бросаютъ на дорогѣ, а такъ какъ это случается довольно часто, то нерѣдко вы привѣжаете на слѣдующую почтовую станцію на 3 или 4 лошадяхъ, вмѣсто 10 или 12, на предъидущей заложенныхъ. Но за то—Боже мой!—сколько гиканья, сколько громкаго хлопанья длинными бичами, которыми молдаванскіе и валахскіе ямщики стараются придать удали своимъ тощимъ лошадамъ,

---

(\*) Авторъ статьи былъ старшимъ адъютантомъ 6-го пѣхотнаго корпуса.

и какъ жалка и смѣшна окажется эта почтовая ѣзда, когда вспомнишь и сравнишь съ нею нашу лихую русскую тройку.

Вслѣдствіе полученнаго приказанія, передовая колонна войскъ 6-й дивизіи ускорила свой маршъ и, сдѣлавши въ однѣ сутки два перехода, расположилась, въ ожиданіи переправы черезъ Дунай, въ близъ лежащихъ селеніяхъ. вмѣстѣ съ мной генераломъ, и поѣхалъ въ м. Каларашъ, гдѣ тогда находился нашъ корпусный штабъ. Это мѣстечко, лежавшее въ тылу войскъ, осаждавшихъ кр. Силистрію, было весьма важно, но соединенію въ немъ значительныхъ складовъ продовольственныхъ запасовъ, разныхъ тяжестей, вагенбурговъ и лазаретовъ съ больными и ранеными, число которыхъ тогда простиралось уже до 3,000 человекъ. Отъ неудобства помѣщенія и недостатка лазаретныхъ средствъ смертность была значительна. Пока генералъ Ахлестышевъ находился у корпуснаго командира, и вышелъ изъ коляски и пошелъ на кладбище. Предо мною, въ свѣжей могилѣ, которую еще не успѣли засыпать землей, лежали складенные одинъ подлѣ другаго семь труповъ умершихъ солдатъ, съ тощими и искаженными отъ страданій лицами. Въ грустномъ раздумьи я смотрѣлъ на эти несчастныя жертвы военнаго времени, и признаюсь, что страшный видъ мертвенцевъ произвелъ на меня самое тяжелое впечатлѣніе.

Изъ Калараша мы перѣехали въ деревню Магурени, гдѣ и остались до слѣдующаго утра. Это селеніе лежитъ на берегу Дуная и было въ виду крѣпости и лагерей войскъ 6 пѣхотнаго корпуса, занимавшихъ позицію на другой сторонѣ.

Послѣ жаркаго дня наступалъ тихій, прелестный вечеръ; послѣдніе лучи солнца угасали за вершинами горъ и стѣны грозной Силистріи одѣвались легкимъ вечернимъ туманомъ.

Задумчиво я стоялъ на берегу рѣки, любясь прекрасной картиной природы. И вотъ, чрезъ нѣсколько минутъ, русская зарева пушка грянула перекатнымъ гуломъ, и въ то же мгновеніе четыре выстрѣла изъ крѣпости, ядрами, откликнулись враждебнымъ отвѣтомъ. Наконецъ все замолкло и заснуло до первыхъ лучей свѣта предстоящаго дня.

Рано утромъ, колонна, составленная изъ 11-го и 12-го егерскихъ полковъ, 3 бригады 6 пѣхотной дивизіи, двинулась къ переправѣ. На протекающей, подъ мѣстечкомъ Каларашемъ, рѣкѣ Боршѣ, былъ наведенъ понтонный мостъ; за нимъ дорога шла версты три посреди густаго, высокаго камыша до самой при-

станн, откуда Дунай уже является въ своемъ полномъ и величественномъ теченіи.

Русская флотилія, подъ командою капитана 1 ранга Пата-ніоти, состояла изъ вооруженныхъ баркасовъ, гребныхъ и транспортныхъ судовъ, стояла въ виду крѣпости и производила переправу нашихъ войскъ. Легкія шлюпки, окрыленные бѣлыми парусами, летѣли по быстрымъ волнамъ Дуная, переноси пришельцевъ съ берега на предстоящіе имъ труды и битвы. Хотя движеніе судовъ производилось съ замѣчательною живостию и дѣятельностию, но, за всѣмъ тѣмъ, недостатокъ въ большихъ паромехъ, для перевозки артиллеріи, обозовъ и кавалеріи, много затруднилъ послѣднюю переправу, и прибывшая за нѣсколько предъ нами дней 1 бригада 2 гусарской дивизіи бивуакировала на обонхъ берегахъ Дуная въ ожиданіи своего соединенія.

Переѣхавъ чрезъ первый рукавъ, оставалось еще около полуторы версты слѣдованія до другаго малаго пролива, гдѣ также перевозились на судахъ.

Картина этой послѣдней переправы была самая живописная. Вдоль берега на нѣсколькихъ пунктахъ располагались: конная артиллерія, донскіе казаки и гусары въ живыхъ и разнообразныхъ группахъ. Шумный говоръ, звукъ оружія, ржаніе коней и пестрота одеждъ одушевляли бивуакъ такой непринужденной свободой, такой поэзіей военной жизни, которая, право, были достойны пера Пушкина и карандаша Орловскаго. Пѣхотныя войска, безирестанно подходившія къ пристани, садились въ шлюпки и съ веселыми русскими пѣснями отплывали на твердый берегъ Дуная. Между тѣмъ, двѣ полковыя музыки, окруженные толпою офицеровъ разныхъ частей арміи, напоминали, знакомыми звуками, протекшія для насъ удовольствія въ счастливой Россіи, — и только изрѣдка громъ пушечныхъ выстрѣловъ со стѣны Силистріи какъ-то странно и торжественно сливался съ мелодіей музыкальныхъ пѣсней.

На другой день, то есть 13 сентября, полки егерской бригады, вмѣстѣ съ дивизіоннымъ штабомъ, вступили на позицію въ отрядъ лѣваго фланга, находившагося тогда подъ начальствомъ командира 2 уланской дивизіи, генералъ-лейтенанта барона Крейца (\*).

---

(\*) Впоследствии графъ, генералъ отъ кавалеріи и въ теченіе пятинадцати лѣтъ командиръ 2 пѣхотнаго корпуса.

Въ послѣдующіе же дни переправились чрезъ Дунай: артиллерія и полки 2 бригады 6 дивизіи, Нарвскій и Конопорскій пѣхотные, а полки 1 бригады, Цевскій и Софійскій, занимали пѣхотное время лежащіе противъ крѣпости острова, на которыхъ были устроены наши батареи изъ осадныхъ орудій.

Въ трехъ верстахъ отъ центра осаднаго корпуса находился лѣвый флангъ нашей позиціи, пересѣкаемый глубокими оврагами и лощинами, на которыхъ было нѣсколько весьма удовлетворительно устроенныхъ фонтановъ, въ обиліи доставлявшихъ войскамъ хорошую воду. Хотя позиція нашего отряда и была укрѣплена редутами и батареями, но, не менѣе того, мы болѣе другихъ войскъ были подвержены непріятельскому нападенію, какъ со стороны крѣпости, такъ и по дорогѣ, идущей изъ Шумлы; а потому наше положеніе требовало особенной, неусыпной осторожности и почти ежеминутной готовности вступить въ дѣло.

Первые дни нашего прибытія подъ кр. Силистрію протекали довольно покойно, за исключеніемъ нѣсколькихъ фальшивыхъ тревогъ. Непріятель дѣйствовалъ какъ изъ крѣпостныхъ орудій, такъ равно и изъ сооруженныхъ имъ наружныхъ укрѣпленій по нашимъ вновь устрояемымъ батареямъ, которые постепенно ближе и тѣснѣе обледали крѣпость.

Заложеніе новыхъ редутовъ производилось всегда ночью, подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ. Эти работы производимы были съ такою тишиною и осторожностію, что только на разсвѣтъ Турки усматривали, къ своему удивленію, неожиданное для нихъ явленіе редута, изъ котораго посылались имъ привѣтствіе пушечными выстрѣлами.

Передовая егерская пѣль, согласно общимъ распоряженіямъ, подвигалась впередъ, дѣлая новые для себя ложементы, постепенно занимая виноградныя сады, лежащіе вокругъ крѣпости. Такъ продолжалось до 25 сентября.

Въ этотъ день Турки направили усиленные дѣйствія своей артиллеріи противъ вновь выстроенной нами батареи, въ весьма близкомъ отъ крѣпости разстояніи. Между тѣмъ, вооруженное турецкое судно съ десантомъ пѣхоты, спустившись по Дунаю, открыло сильный пушечный огонь по береговому редуту № 20, вооруженному полевой артиллеріею, и, одновременно съ симъ, изъ крѣпостныхъ воротъ выступило нѣсколько пѣхотныхъ колоннъ; къ колоннамъ этимъ, скрытымъ въ густыхъ виноградникахъ, присоединилось нѣсколько отрядовъ турецкой кавалеріи.

Для отраженія этой вылазки, войска лѣваго фланга, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Ахлестышева, быстро выстроились на назначенныхъ пунктахъ и нетерпѣливо ожидали приказанія вступить въ бой. Вскорѣ передовая застрѣльщицья цѣпь завязала дѣло и живой ружейный огонь распространился по всей линіи. Батареи, окружающія крѣпость съ лѣваго фланга, открыли свое дѣйствіе; но непріятельскія ядра причиняли чувствительный вредъ нашимъ войскамъ и особенно тѣмъ, которыя находились для прикрытія вновь построенныхъ редутовъ. Турецкія колонны, не рѣшавшіяся устремиться на возвышенности нашей позиціи изъ занимаемыхъ ими виноградныхъ садовъ, были, наконецъ, прогнаны удачнымъ дѣйствіемъ двухъ орудій легкой № 3 роты 6 артиллерійской бригады, которыя, вѣрными выстрѣлами, произвели большое смятеніе въ непріятельскихъ резервахъ; вслѣдъ затѣмъ Турки начали постепенно входить въ крѣпость.

Въ этотъ день потеря наша состояла въ убитомъ, къ общему сожалѣнію, ядромъ, капитанѣ Невскаго полка фонъ-Эссенѣ, двухъ легко-раненыхъ оберъ-офицерахъ 12 Егерскаго полка и 7 человекъ раненыхъ рядовыхъ, изъ коихъ четверо получили тяжелыя раны.

Въ продолженіе дѣла генераль Ахлестышевъ, съ привычнымъ ему хладнокровіемъ и военною опытностію, наблюдая за движеніями и намѣреніями непріятеля, занялъ мѣсто, на которое сильно дѣйствовали выстрѣлы изъ крѣпостныхъ орудій. Турецкія ядра съ ужаснымъ свистомъ пролетали надъ нашими головами или врѣзывались около насъ въ землю такъ близко, что осыпали густою пылью. Каждую минуту моя жизнь была въ опасности; но милосердый Богъ сохранилъ меня невредимымъ на этотъ разъ.

Это отраженіе вылазки было первымъ практическимъ для меня урокомъ настоящаго боеваго дѣла, изъ котораго я вынесъ то отрадное убѣжденіе, что смерть въ сраженіи не такъ страшна, какъ прежде мнѣ казалось.

Отъ 20 сентября и до половины октября мѣсяца не произошло ничего особенно замѣчательнаго. Съ нашей стороны производили неоднократно усиленное по крѣпости бомбардированіе. Ядра и бомбы, разрывая воздухъ своимъ шипѣніемъ и свистомъ, достигали до предназначенной имъ цѣли и не разъ причиняли

пожары въ крѣпостныхъ веркахъ и строеніяхъ. Турки дѣйствовали также иногда довольно удачно, и каждый день мы не досчитывались въ нашихъ рядахъ по нѣскольку человѣкъ убитыхъ или раненыхъ. Произведенные чрезъ парламентеровъ переговоры о сдачѣ крѣпости, разумѣется, не довели до желаемого результата. Турки держались крѣпко, а для правильнаго начатія осадныхъ работъ время было уже потеряно.

18 числа октября, прибылъ подъ крѣпость Силистрію, на обратномъ пути отъ крѣпости Шумлы, 3 пѣхотный корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Рудзенича. Эти войска, во время своего движенія, были горячо преслѣдуемы турецкими силами и 7 октября, проходя чрезъ одно затруднительное для марша дефиле, выдержали рѣшительный натискъ, который хотя и отразили съ примѣрнымъ мужествомъ и храбростію, но, однакожь, потеряли при томъ убитыми и ранеными до 500 человѣкъ и были принуждены сжечь весь лагерь и большую часть полковыхъ и офицерскихъ повозокъ, чему подалъ лично примѣръ самъ генералъ Рудзеничъ, приказавшій предать огню собственные свои экипажи. Я былъ лично свидѣтелемъ вступленія 3 пѣхотнаго корпуса на назначенную ему позицію и долженъ сказать откровенно, что мнѣ никогда еще не случалось видѣть русскаго войска въ такомъ жалкомъ и разстроенномъ положеніи. Люди, отъ генерала до солдата, были, въ полномъ смыслѣ слова, голодны, отъ совершеннаго недостатка въ продовольствіи; уцѣлѣвшія лошади, исхудалыя и утомленныя, едва передвигали ноги; одежда, амуниція и конская упряжь были, болѣею частію, изношены, растрепаны и изорваны; солдаты, при наступившемъ суровомъ времени года, не имѣли на себѣ зимнихъ панталоновъ, а больные и раненые въ послѣднихъ сраженіяхъ, съ обгагреными перевязками, лежали на сырой землѣ, безъ надлежащаго медицинскаго пособія, и, въ то же время, терпѣли, наравнѣ съ прочими, отъ недостатка пищи. Еще недавно бывшая въ отличномъ видѣ конно-егерская дивизія, присоединенная къ 3 корпусу въ составѣ трехъ полковъ, была немедленно переправлена для освѣженія ея на другую сторону Дуная, а въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца и остальные войска 3 корпуса переправлялись чрезъ Дунай на назначенныя имъ квартиры въ княжествѣ Валахскомъ.

Обращаясь опять къ обзорѣнію собственнаго нашего положенія.

По случаю болѣзни командира 2 пѣхотнаго корпуса, князя Щербатова, отѣхавшаго для излеченія въ предѣлы Россіи, принялъ временное командованіе надъ всѣми осажденными войсками генераль отъ инфантеріи Довре, а начальство надъ обонми находившимися тутъ корпусами было ввѣрено прибывшему изъ Бухареста, извѣстному своими заслугами, генералу графу Лапжерону, который, къ прошедшую съ Турками войну, такъ легко покорилъ своему оружію пылкій предметъ нашихъ безусыпныхъ усилій.

22 октября прибылъ въ м. Каларашъ главный штабъ дѣйствующей арміи, при которомъ находились: самъ главнокомандующій, генераль-фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ (\*), и начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, генераль-адъютантъ графъ Дибичъ.

Всѣ войска были обрадованы появленіемъ среди ихъ доблестнаго и убѣжденнаго сѣдками героя отечественной войны 1812 года, любимаго народомъ и войскомъ полководца, графа Витгенштейна: всѣ думали, что съ этого времени дѣйствія нашей осады пойдутъ успѣшнѣе и что мы скоро отпразднуемъ покореніе грозной Силистріи; но время для того уже было потеряно, и ожиданія наши, къ общему сожалѣнію, не сбылись. Главнокомандующій приказалъ обратить осаду въ одно лишь усиленное бомбардированіе крѣпости, которое, начавшись съ 24 числа, продолжалось до 27. Разрушительное дѣйствіе нашей канонады, при вѣрномъ направленіи выстрѣловъ, истребляя крѣпостныя элліи или предавая ихъ пламени, въ то же время, по донесеніямъ лазутчиковъ, убивало по множествѣ несчастныхъ женщинъ и дѣтей, не находившихъ уже нигдѣ безопаснаго для себя убѣжища; но упорство наши, коменданта крѣпости, и твердость духа военнаго гарнизона не допускали мысли о добровольной сдачѣ.

Между тѣмъ, положеніе и нашихъ войскъ съ каждымъ днемъ становилось хуже и тягостнѣе. Въ продовольствіи оказывался чувствительный недостатокъ, особенно по затрудненіямъ, представлявшимся при переправѣ его чрезъ Дунай: число больныхъ

---

(\*) Оба уже соединеніе въ могилу: графъ Дибичъ-Забалканскій въ 1831 году, въ званіи генераль-фельдмаршала и главнокомандующаго арміею противъ польскихъ мятежниковъ, а князь Витгенштейнъ, въ 1844 году, въ своемъ скромномъ помѣстьѣ Подольской губерніи.

увеличивалось безпрестанно, и въ лазаретахъ уже не было мѣста для ихъ помѣщенія; въ кавалеріи и артиллеріи лошадей кормили вмѣсто сѣна однимъ камышемъ, съ придачею самаго малаго количества ячменя, и потому ежедневная убыль лошадей была немовѣрно велика. Наконецъ, къ довершенію нашего бѣдственнаго состоянія, послѣ постоянно сырой погоды, внезапно начались заморозки, жестокія метели, съ рѣзкимъ холоднымъ вѣтромъ; неожиданно выпавшій снѣгъ покрылъ землю болѣе, нежели на аршинъ глубины. Казалось, сама природа, измѣнивъ своимъ обыкновеннымъ законамъ, ополчилась на насъ.

Солдаты, стоявшій въ передовой цѣпи или на батареяхъ, часто по колѣни въ снѣгу или въ водѣ, прикрытый ветхою шинелью, цѣпнѣлъ отъ стужи и сырости, проникавшей его до костей, изнемогалъ тѣломъ и духомъ. Всѣ говорили: «отчего насъ не ведутъ на штурмъ, гдѣ былъ бы одинъ конецъ? здѣсь мы гибнемъ безъ всякой пользы.» Этотъ послѣдній выводъ былъ, къ сожалѣнію, почти справедливъ.

Всѣ вышеозначенныя обстоятельства вели къ увѣренности, что отступление осаднаго корпуса сдѣлалось уже неизбежнымъ. Когда мѣра эта была рѣшена, то начальнику Дунайской флотиліи, контръ-адмиралу Заваловскому, было предписано усилить своими судами, сколь возможно дѣятельнѣе, переправу чрезъ оба пролива Дуная. Прежде всего перевозились войска 3-го пѣхотнаго корпуса, потомъ всѣ тяжелые обозы, казенные и частные, лазареты съ больными и ранеными, орудія осадной артиллеріи, инженерные парки, полки 4-й пѣхотной дивизіи и артиллерійскія роты. Сверхъ того, на тѣхъ же судахъ перевозились всѣ продавцы и военные маркитанты, торговавшіе въ лагеряхъ, и 40 болгарскихъ семействъ, переселившихся въ Россію.

Переправу старались произвести какъ можно поспѣшнѣе; но недостатокъ транспортныхъ судовъ и необыкновенное стеченіе разнородныхъ частей войскъ и ихъ обозовъ, при убійственной непогодѣ, сдѣлали переправу эту столь затруднительною, что, несмотря на всѣ дѣятельныя усилія начальства къ устройству должнаго порядка, не было никакой возможности учредить его настоящимъ образомъ. Общее смятеніе и самовольство солдатъ доходило до высочайшей степени: претерпѣвая недостатокъ въ продовольствіи, они позволяли себѣ насильное похищеніе перевозимыхъ на-за Дуная для войска съѣстныхъ припасовъ. Больные же, въ ожиданіи переправы, еще болѣе прочихъ страдали

отъ голода, и многіе изъ этихъ несчастныхъ, не вынеся своихъ страданій, тутъ же умирали; вслѣдствіе крайняго изнуренія лошадей и воловъ, всякая перевозка тяжестей, по едва проѣзжимъ отъ грязи дорогамъ, сдѣлалась невозможною.

Вотъ въ такомъ видѣ происходила въ первые дни переправа отступающаго войска, и Турки, ободренные упорною защитою своей крѣпости, конечно, не безъ гордости, съ высоты своихъ минаретовъ, смотрѣли на радостное для нихъ зрѣлище. Впослѣдствіи, однакожь, былъ установленъ возможный порядокъ, и переправа чрезъ Дунай, совершаемая въ виду непріятеля, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Для отвлеченія же вниманія крѣпостнаго гарнизона, наши батареи, устроенныя на противолежащемъ островѣ и вооруженныя осадными орудіями, производили, въ теченіе нѣсколькихъ дней, умѣренное бомбардированіе.

Съ 30 октября и по 2 число ноября мѣсяца, въ нашемъ отрядѣ не происходило ничего замѣчательнаго. Артиллерійскія орудія, находившіяся въ редутахъ и на батареяхъ, постепенно снимались въ тишинѣ ночи, и всѣ войска были готовы къ отступленію въ назначенный часъ.

Начальникъ 6-й пѣхотной дивизіи, генералъ Ахлестышевъ, чувствуя, съ нѣкотораго времени, разстройство здоровья, испросилъ позволеніе отправиться въ городъ Букарестъ и оттуда въ Россію; 3 числа онъ разстался съ нами, къ общему сожалѣнію, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя обстоятельства заставляли не надѣяться на его возвращеніе.

Командованіе дивизіей принялъ 6-й гадный генералъ Отрошенко. И такъ какъ 6 дивизія, вмѣстѣ съ 7 пѣхотной, по распоряженію главнокомандующаго арміею, должны были составить особый сводный корпусъ для занятія Бабадагской области, то временное начальство, до прибытія генералъ-лейтенанта Красовскаго, было поручено надъ нимъ корпусомъ генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанту графу Сухтелену, и съ 2 ноября мы уже находились въ его распоряженіи.

Турки, между тѣмъ, дѣлались предпримчивѣе и каждый день высылали своихъ наѣзтниковъ для узнанія нашихъ силъ и позицій. Такимъ образомъ, въ ночь съ 2 на 3 ноября, они подошли къ оставленному нами редуту № 20, устроенному на берегу Дуная, по Туртукайской дорогѣ, и сожгли бывшія въ немъ землян-

ки; въ то же время, постоянно увеличивающіяся толпы турецкой кавалеріи заставили насъ приготовиться къ дѣлу и стать въ боевой порядокъ. Конно-артиллерійскія орудія, выдвинутыя на конечность высоты, господствующей надъ равниной, сдѣлали нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ картечью въ сгустившіяся на равнинѣ толпы и принудили ихъ разсѣяться. Находившійся внизу, у мельницы, небольшой казачій пикетъ былъ передъ тѣмъ оттѣсненъ непріателемъ на половину высоты; и такъ какъ турецкіе всадники, скрываясь въ виноградникахъ, все еще продолжали перестрѣлку съ казаками, то графъ Сухтеленъ приказалъ снѣмъ послѣднимъ ударить на нихъ лавою, при чемъ, обнаживъ свою саблю, съ крикомъ «ура!» поскакалъ самъ впередъ. Я имѣлъ честь сопутствовать графу, и, спустись уже въ долину, на пистолетный выстрѣлъ отъ турецкихъ наѣзниковъ, мы ожидали, что казаки, съ привычною ловкостію Донцовъ, стремглавъ налетятъ и разсѣютъ непріятельскую толпу, но, къ удивленію, ожиданія наши не сбылись: казаки вскорѣ отстали, чему причиною скорѣе можно было предположить худое состояніе ихъ лошадей, чѣмъ отсутствіе смѣлости.

Эта незначительная вылазка не имѣла никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и къ 12 часамъ утра на всѣхъ пунктахъ было спокойно.

Такъ какъ этотъ день былъ назначенъ къ отступленію нашего осаднаго корпуса, то мы могли ожидать, что непріятель откроетъ слабую сторону нашей позиціи и сдѣлаетъ рѣшительное нападеніе; однакожь, благодаря невѣжеству Турокъ въ военномъ дѣлѣ, мы не подвергались никакой опасности. Отрядъ отступающихъ войскъ, по направленію къ крѣпости Гирсово, состоялъ изъ полковъ: 6 пѣхотной дивизіи, двухъ полковъ 2 гусарской бригады, 6 артиллерійской дивизіи, одной піонерной роты и шести казачьихъ полковъ, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Сухтелена. Съ наступленіемъ вечера приказано было сплѣсти послѣднія артиллерійскія орудія и передовыя цѣпи изъ ихъ ложементовъ, занявъ аванпостной казачьей цѣпью все пространство нашихъ позицій. Затѣмъ всѣ войска (исключая арріергарда) должны были сосредоточиться въ центрѣ осаднаго корпуса и оттуда уже слѣдовать далѣе. Всѣ распоряженія по этому важному предмету были исполнены съ совершенною точностію, и въ 10 часовъ вечера весь отрядъ соеди-

пился на назначенномъ ему мѣстѣ и, выткнувшись въ одну боевую колонну, тронулся въ совершенной тишинѣ. Турки, замѣтивъ отсутствіе пѣхотной застрѣльщицѣй цѣпи, производили сильную перестрѣлку съ казаками, которые, выждавъ время, постепенно отступали, примкнули въ арріергарду. Отступленіемъ нашимъ заключились, въ 1828 году, наши дѣйствія противъ Силистріи.

Темная осенняя ночь прикрыла густымъ мракомъ движеніе нашей колонны. Войска, несмотря на свое чрезмѣрное утомленіе; шли, не останавливаясь, до самаго разсвѣта, поспѣшая перейти чрезъ одно весьма невыгодное дефиле за каменнымъ мостомъ, гдѣ мы могли ожидать еще преслѣдованія Турокъ; но они ограничили высылкою одной только легкой партіи, которая, наблюдая за нашимъ отступленіемъ, не осмѣлилась сдѣлать никакого рѣшительнаго нападенія. Съ другихъ же сторонъ мы были обезпечены посланными по всѣмъ направленіямъ казачьими патрулями, которые тотчасъ могли предувѣдомить насъ о непріятелѣ, а по Дунаю, параллельно съ нами, слѣдовала Дунайская Флотилія.

Отрядъ нашъ направился на селеніи Бейликъ и Россевато. Здѣсь я цѣлую ночь не могъ сомкнуть глазъ отъ сильной тревоги, въ которой тогда находился: причиной этому была жестокая болѣзнь меньшаго моего брата, который, страдая груднымъ воспаленіемъ, былъ уже близокъ къ смерти. Лежа на рукахъ полковаго священника, онъ угасалъ на зарѣ своей жизни и едва внятыми словами прощался со мной на вѣчную разлуку.... Кто знаетъ дружбу, тотъ пойметъ, что я чувствовалъ въ эти минуты! Но милосердому Богу угодно было продлить еще существованіе брата, и въ такомъ отчаянномъ положеніи онъ долженъ былъ слѣдовать далѣе.

Перейдя Троиновъ Вазъ, около сел. Узгунъ-Агаметь, нашъ отрядъ прибылъ въ сел. Черноводы, 10 ноября. Здѣсь были назначены зимнія квартиры для авангарда своднаго корпуса, составленнаго изъ егерскихъ полковъ 3-й бригады, четырехъ легкихъ артиллерійскихъ орудій, одной піонерной роты и казачьяго Андреевскаго полка, который расположился въ упомянутомъ Узгунъ-Агаметѣ. Прочіе полки 6-й дивизіи имѣли направленіе на нижеслѣдующія мѣста: Невскій пѣхотный—въ крѣпость Исакинъ, Софійскій—въ крѣпость Мачинъ, Нарвскій, Копорскій пол-

ки п 6-я артиллерійская бригада—въ крѣпость Гирсово; но въ скоромъ времени Нарвскій полкъ былъ выведенъ въ сел. Долены; находившаяся въ отрядѣ кавалерія переправилась частью за Дунай; нѣкоторые же казачьи полки остались при сподномъ корпусѣ, въ Бабадагской области.

На другой день по прибытіи въ Черноводы, графъ Сухтеленъ, лично обозрѣвъ, вмѣстѣ съ генераломъ Отрошенко, окрестности нашей позиціи, назначилъ пункты для постройки тѣхъ укрѣпленій, которыя должны были, въ теченіе зимняго времени, составлять защиту деревни на случай непріятельскаго нападенія; потомъ, снабдивъ генерала Отрошенко сообразной тогдашнимъ обстоятельствамъ инструкціей, графъ отправился въ крѣпость Гирсово, гдѣ долженствовала находиться его корпусная квартира.

Считаю долгомъ сохранить въ моихъ запискахъ признательное воспоминаніе объ отличныхъ качествахъ генераль-адъютанта графа Сухтелена: принявъ надъ нами главное начальство въ тяжкія минуты отступленія отъ крѣпости, графъ успѣлъ, въ самое короткое время, приобрести всеобщее къ нему довѣріе, любовь и уваженіе. Владѣя въ совершенствѣ тѣмъ привлекательнымъ даромъ обращенія, которое проникаетъ прямо въ сердца подчиненныхъ, онъ умѣлъ показать намъ оцѣты своей распорядительности, заботливости и попеченія о здоровьи и безопасности ввѣреннаго ему отряда войскъ.

Прибывъ, въ глубокую осень, на зимнее квартированіе въ селеніе Черноводы, мы нашли наше расположеніе въ самомъ невыгодномъ и дурномъ состояніи, особенно для довольно значительной части войскъ. Деревня эта, обитая бѣдными Болгарами, которые всѣ, Богъ знаетъ гдѣ, были разсѣяны, лежала при подовѣ горъ, имѣя съ правой стороны Дунай, а съ лѣвой—открытую возвышенность. Отлогая покатость лощины къ Дунаю примыкала съ обѣихъ сторонъ къ двумъ высокимъ, совершенно отвѣснымъ скаламъ. Вообще, мѣстоположеніе Черноводъ представляло мѣстность дикую и угрюмую, особенно при настоящемъ омертвѣніи природы. Небольшое количество уцѣлѣвшихъ домовъ, или, лучше сказать, мазанокъ, далеко не соответствовало числу людей, прибывшихъ на постой, и потому квартиры, занятыя только для однихъ офицеровъ, канцелярій и другихъ полковыхъ заведеній, были чрезвычайно стѣснены; солдаты же, съ первыхъ дней своего прибытія, должны были для своего помѣщенія не-

медленно заняты устройствомъ землянокъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начались сооруженія укрѣпленій на предназначенныхъ пунктахъ. Наши передовые редуты были вооружены присланными, по распоряженію графа Сухтелена, турецкими крѣпостными и полевыми орудіями, а прочія укрѣпленія охранялись небольшими караулами. Всѣ эти земляныя работы были приведены къ окончанію въ исходѣ декабря мѣсяца. Сверхъ того, солдаты, независимо отъ переносимыхъ ими тѣлостныхъ трудовъ при постройкѣ укрѣпленій, должны были еще ежедневно заниматься рубкою и переноскою, на дальнемъ разстояніи, дровъ, какъ для отопленія своихъ землянокъ и кухни, такъ равно и для полковыхъ лазаретовъ, устроенныхъ, по необходимости, также въ двухъ обширныхъ землянкахъ.

Наступившая суровая зима, сопровождаемая сильными бурями и метелями, которые, нерѣдко, буквально засыпали наши бѣдныя жилища сугробами снѣга, еще болѣе увеличивала непріятность нашего квартирнаго расположенія; но дѣлать было нечего, и намъ осталось только одно—съ терпѣніемъ переносить свою участь. Между тѣмъ, труды, испытанные войскомъ при осадѣ Силистріи, недостатокъ въ продовольствіи, дурное помѣщеніе въ Черноводахъ, въ низменныхъ и сырыхъ землянкахъ, постоянныя предосторожности, на случай нападенія непріятеля (солдатамъ вначалѣ запрещено было раздѣваться, даже ночью) не могли не дѣйствовать на здоровье войскъ: число больныхъ увеличивалось постоянно; а отъ дурнаго ухода за ними смертность возрастала въ ужасающей пропорціи: каждый день изъ отряднаго лазарета хоронили по 10 и болѣе человѣкъ. Всѣ старанія и заботы попечительнаго начальства оказывались безуспѣшными. Главныя эпидемическія болѣзни были горячки и кровавые поносы, къ излеченію которыхъ, по всей вѣроятности, много препятствовало помѣщеніе больныхъ въ землянкахъ.

Грустно было видѣть печальный рядъ свѣжихъ могилъ, прибавлявшихся каждый день на высотахъ, окружавшихъ Черноводы; но еще грустнѣе было думать, что безъ сраженій, безъ всякихъ воинскихъ подвиговъ неумолимая смерть истребляла столько русскихъ воиновъ отъ однихъ губельныхъ болѣзней и тлетворнаго климата! Отъ тѣхъ же причинъ мыслились, къ искреннему сожалѣнію, двухъ отличныхъ офицеровъ: командира 12-го Егерскаго полка, полковника Семтели, и 11-го Егерска-

го — майора Естифѣева, крѣпкое сложеніе котораго, казалось, обѣщало долгую жизнь.

Находясь на передовомъ посту своднаго корпуса, мы были совершенно покойны въ отношеніи къ непріятелю, ибо, съ принятыми охранительными мѣрами, мы могли быть всегда заблаговременно предувѣдомлены о каждомъ движеніи Турокъ; сверхъ того, нѣсколько разъ въ недѣлю являлись на казачьи аванпосты перебѣжчики изъ Силистріи, большею частію Болгары, которые сообщали намъ подробныя извѣстія о крѣпости, такъ что мы всегда знали о числѣ гарнизона, его запятіяхъ и о способахъ продовольствія. Разѣзды же наши нигдѣ не открывали непріятеля, и, вѣроятно, болѣе потому, что ограничивались весьма недалекимъ разстояніемъ: совершенное изнуреніе лошадей въ полку Андреянова не позволяло смѣлымъ Донцамъ рѣшиться, по прежнему, на ихъ отважные поиски.

Образъ моей жизни въ Черноводахъ такъ мало заключалъ въ себѣ пріятнаго для воспоминаній, что едва ли найду нѣсколько словъ, чтобы сказать что нибудь о столь незанимательномъ предметѣ. Одно, и лучшее, утѣшеніе составляла для меня дружба моего брата, жившаго вмѣстѣ со мной. Я радовался постепенному его выздоровленію, и, въ свободные отъ служебныхъ занятій часы, мы разгоняли скуку разговорами о роднѣ и людяхъ близкихъ намъ, утѣшая себя надеждою на скорое возвращеніе въ благословенную Россію. Иногда, въ хорошіе, теплые дни, случавшіеся даже и въ декабрѣ, мы ѣздили верхами по окрестнымъ горамъ или по берегу Дуная, любясь на каменные, неприступные утесы, о которые съ шумомъ дробились сердитыя волны рѣки. Нерѣдко добрые товарищи приходили къ намъ коротать длинныя зимніе вечера; но когда наступили дни праздника Рождества Христова и веселыхъ святокъ, конечно, веселыхъ не въ здѣшнихъ странахъ, тогда многіе изъ насъ вспоминали почти со слезами о своихъ семействахъ, женахъ, дѣтяхъ и, быть можетъ, о любимыхъ невѣстахъ, съ которыми нѣкоторымъ не пришлось и свидѣться.

Наконецъ миновалъ декабрь, прошелъ и 1828 годъ, ознаменованный важными событіями, предоставивъ своему преемнику, 1829 году, довершить великую борьбу, начатую двумя державами.

## II.

Начало новаго года. Переходъ штаба в пѣхотной дивизіи въ крѣпость Гирсово. — Ангерь при крѣпости и чума. — Поѣздка въ крѣпость Мачинъ. — Соединеніе нашего отряда съ главными силами арміи при Силистріи. — Движеніе арміи къ Шумъ. — Сраженіе при Кулевчи. — Мой отъѣздъ въ городъ Бальчикъ. — Прибытіе въ городъ Яссы и возвращеніе въ Россію.

Наступилъ новый, 1829 годъ, а съ нимъ и ожиданія ранняго открытія вторичной кампаніи, для приготовленія къ которой требовалась усиленная дѣятельность въ войскахъ: кромѣ того, что припты были мѣры для пополненія значительной убыли въ людяхъ и лошадяхъ тѣми резервами и ремонтами, которые приходили изъ Россіи, необходимо было вновь создать матеріальную и особенно комиссаріатскую часть арміи. Одежда, обувь, амуниція, обозы, конская упряжь, шанцевый инструментъ, лаваретныя вещи, лагерныя палатки и прочіе предметы полковаго хозяйства были, въ теченіе первой половины кампаніи, частію совершенно уничтожены, частію приведены въ такое ветхое, разстроенное положеніе, что требовали замѣны ихъ новыми.

Между тѣмъ, въ продолженіе зимы, послѣдовали важныя перемѣны въ личномъ составѣ главнаго штаба: вмѣсто фельдмаршала графа Витгенштейна, получившаго, по его просьбѣ, увольненіе, для поправленія разстроеннаго здоровья, былъ назначенъ главнокомандующимъ начальникъ главнаго штаба Его Величества, генералъ-адъютантъ графъ Дибичъ, а начальникомъ главнаго штаба арміи — генералъ-адъютантъ баронъ Толъ, столь пзвѣстный своими заслугами еще въ чинѣ полковника въ отечественную войну 1812 года; генералъ-квартирмейстеромъ — генералъ-маіоръ Бутурлинъ, дежурнымъ генераломъ — генералъ-маіоръ Обручевъ; кромѣ того, многіе другіе высшіе и даже второстепенные чиновники были замѣнены новыми лицами.

Всѣ войска раздѣляли одну общую надежду, что предстоявшая кампанія доставитъ намъ рядъ блестящихъ успѣховъ: принятіе новой, лучшей системы продовольствія и твердое занятіе нѣкоторыхъ весьма важныхъ для насъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ должны были необходимо облегчить средства къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ на непріятельской землѣ. Самая суровая зима не остановила истинно молодецкихъ подви-

говъ нашего храбраго войска: достаточно указать на взятіе крѣпостей Кале, Турно, сожженіе при Никополѣ турецкой флотиліи, занятіе, съ помощію эскадры Черноморскаго флота, города Сизополя, находящагося уже за хребтомъ Балканскихъ горъ.

Въ то время, какъ все это происходило въ Европейской Турціи, цѣлый рядъ громкихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ непріателемъ въ предѣлахъ Азіи, украшалъ новыми лаврами уже знаменитаго полководца графа Паскевича-Эриванскаго и озарялъ повою сланою вѣренныи его начальству доблестнымъ войска Закавказскаго корпуса,

Опираясь на такіе задатки будущихъ успѣховъ, со свѣтлыми надеждами мы встрѣтили новый 1829 годъ.

Командующій 6 пѣхотной дивизіей, бригадный генералъ Отрошенко, превозмогая съ крайнимъ усиліемъ постигнуую его болѣзнь, которая была слѣдствіемъ сильной простуды, вынужденъ былъ испросить себѣ увольненіе отъ командованія дивизіей, порученной командиру 2 бригады, генералъ-маіору Казнакову, находившемуся въ крѣпости Гирсово. По этому случаю дивизионному штабу приказано было идти туда же, и, 23 февраля, я, съ моею командою, выступилъ изъ Черноводъ, разставшись не безъ душевнаго сожалѣнія съ почтеннымъ генераломъ Отрошенко и съ моимъ добрымъ братомъ.

Въ это время уже наступала весна, оживляя увядшую природу теплотой южнаго неба.

Прибывъ, 25 февраля, въ деревню Гинкерджи, я воспользовался почтовой тройкой, пріѣхавшей туда съ адъютантомъ дежурнаго генерала, чтобы отправиться въ крѣпость Гирсово. Не ѣздивши на русскихъ почтовыхъ лошадяхъ со времени перехода моего за границу, я восхищался знакомымъ звукомъ валдайскаго колокольчика и веселой болтовней лихаго ямщика. Учрежденіемъ на правомъ берегу Дуная русскихъ почтовыхъ станцій, въ районѣ расположенія нашихъ войскъ, мы были обязаны распорядительности полеваго почтоваго управленія главнаго штаба арміи.

Поздно вечеромъ пріѣхалъ я въ Гирсово. Въ крѣпости, между находившимися въ ней войсками, оказалась чумная зараза, и потому, чтобы попасть въ Гирсово, я долженъ былъ ожидать разрѣшенія коменданта, по полученіи котораго, съ трудомъ бродя по грязнымъ улицамъ, едва могъ отыскать пріютъ себѣ подъ кровлею квартиры моего добраго пріятеля, бригаднаго

адъютанта Макарова. На другой день, я явился къ генералу Казнакову, который старался успокоить мои опасенія насчетъ чумы увѣреніемъ, что уже около сорока дней зараза не обнаруживалась ни въ гарнизонѣ, ни въ госпиталѣхъ, и что поэтому онъ ходатайствовалъ у высшаго начальства объ освобожденіи крѣпости отъ оцѣпленія, между тѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, чума только скрылась на время, чтобы появиться опять съ новыми силами. Да это и не могло быть иначе, при ужасной печастотѣ, заражавшей воздухъ. Отъ бывшаго оцѣпленія крѣпости, всѣ воинскіе чины находившагося въ ней гарнизона, а также и нѣкоторые обыватели претерпѣвали крайнюю нужду въ свѣтлыхъ припасахъ и въ разныхъ необходимыхъ для жизни предметахъ; лошади же довольствовались вмѣсто сѣна однимъ гнилымъ камышемъ, съ прибавленіемъ, въ небольшомъ количествѣ, отпускаемаго отъ казны ячменя, и потому можно вообразить, въ какомъ жалкомъ положеніи находились эти бѣдные животныя.

29 февраля, командующій своднымъ корпусомъ, генералъ-лейтенантъ Красовскій, проѣзжая мимо Гирсоно, остановился у крѣпостныхъ воротъ и долго разговаривалъ съ начальникомъ крѣпости о предметѣ оцѣпленія и наконецъ, убѣдясь въ благополучномъ ея состояніи, позволилъ подать представленіе, которое и объявлено немедленно разрѣшить.

Выбравъ свободное время, я любознѣтствовалъ осмотрѣть крѣпость. Вотъ ея краткое описаніе: Гирсоно лежитъ на плоскомъ берегу правой стороны Дуная; внутренность крѣпостной площади образуетъ значительную низменность, похожую на обширную котловину; окружность землянаго вала, огражденнаго съ внутренней стороны палисадомъ, заключаетъ въ себѣ протяженія около полуторы версты; ровъ, одѣтый камнемъ, довольно глубокъ; крѣпость имѣетъ двое воротъ: одни съ сухопутной стороны, выходяція на дороги Силистрійскую и Мачинскую, а другія, выходяція на самый берегъ Дуная; бастіоны хорошо вооружены крѣпостными орудіями, изъ которыхъ нѣкоторыя огромной величины; со стороны же Дуная фланги крѣпости защищены двумя каменными отвѣсными скалами, составляющими природную вѣчную твердыню; внутри крѣпости находится одна мечеть, большія каменные казармы, два дома паши, старый и новый (послѣдній изъ нихъ довольно хорошей архитектуры), до 140 обывательскихъ деревянныхъ домовъ, вообще весьма плохихъ, и

нѣсколько въ такомъ же состояніи лавокъ. Въ трехъ пунктахъ крѣпости расположены пороховые погреба, изъ которыхъ главный находится возлѣ сѣвернѣйшихъ воротъ. Съ лѣвой стороны фаса, обращеннаго къ Дунаю, возвышается на утесѣ огромный каменный полуразрушенный замокъ, сохраняющій названіе цитадели; въ стѣнахъ замка, съ наружной его стороны, я замѣтилъ много вѣѣанныхъ кирпичей, на которыхъ были вырѣзаны грани и турецкія надписи. Вообще замокъ этотъ замѣчательнъ по слѣдамъ глубокой древности и имѣетъ къ Дунаю подземный ходъ, нынѣ уже, впрочемъ, заваленный.

Съ сѣверной стороны крѣпости мѣстность чрезвычайно живописна: нѣсколько рукавовъ Дуная, образуя острова, покрытые камышомъ и мелкимъ кустарникомъ, представляютъ чудный видъ, особенно при весеннемъ разлитіи водъ. Форштадтъ, облежавшій крѣпость съ восточной ея стороны, былъ въ то время весь сожженъ и разрушенъ; близъ него расположено турецкое кладбище, усыпленное надгробными памятниками, изъ числа коихъ нѣкоторые красиво обдѣланы и увѣнчаны мраморными чалмами.

По пріѣздѣ моемъ въ Гирсово, я былъ изумленъ неимоверной нечистотой и безпорядкомъ какъ внутри, такъ и внѣ крѣпости. Трупы палыхъ лошадей, воловъ, собакъ и кошекъ валялись неприбранными; всякаго рода нечистоты окружали каждый домъ; глубокія отхожія ямы наполнялись разнымъ, выбрасываемымъ изъ госпиталей и кухонъ, соромъ и помоями, и такъ какъ эти ямы никогда не очищались и не засыпались землею или известію, то происходившее отъ нихъ испареніе, особенно вечеромъ, такъ сильно заражало воздухъ, что иногда не было никакой возможности выйти изъ дому. Допустивъ одинъ разъ такой непростительный безпорядокъ, трудно было впослѣдствіи его исправить, и наступленіе весны, всегда вредной въ здѣшнемъ краѣ, не замедлило обнаружиться въ самомъ страшномъ для насъ явленіи — чумы.

Между тѣмъ, въ первые дни моего пребыванія въ крѣпости, благополучное состояніе гарнизона дозволяло свободное сообщеніе Гирсова съ прочими мѣстами, и 19 марта оцѣпленіе было снято. Невозможно представить себѣ обнаружившагося при этомъ восторга всѣхъ обитателей крѣпости; каждый благословлялъ перемѣну положенія. Всякій, кто только могъ, спѣшилъ воспользоваться давно желанною свободою сообщенія; но бо-

лѣе всѣхъ радовались разные торговцы и военные маркитанты, находившіеся въ самомъ бѣдственномъ положеніи отъ прекращенія торговли.

Погода въ началѣ марта сопровождалась сильными вѣтрами и дождями, но въ половинѣ мѣсяца сдѣлалась теплѣе, и какъ ледъ на Дунаѣ еще прежде того прошелъ и открылась рыбная ловля, то Болгары привозили намъ рыбу въ чрезвычайномъ изобиліи и продавали за ничтожную цѣну; славныя стерляди, осетры и карпы доставляли роскошныя блюда для нашихъ обѣдовъ, казавшихся намъ еще вкуснѣе послѣ пищи св. Антонія, на которой мы были во время оцѣпленія. Солдаты также покупали для себя за самую дешевую цѣну огромныхъ сомовъ, и нерѣдко можно было видѣть, что одну изъ такихъ рыбъ несли на плечахъ три или четыре человѣка. 14 марта вышли изъ крѣпости въ лагерь одинъ баталіонъ Копорскаго пѣхотнаго полка и 6 артиллерійская бригада. 31 марта прибылъ въ Гирсово новый начальникъ 6 пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ князь Любомирскій, назначенный вмѣсто генерала Ахлестышева, который, къ искреннему сожалѣнію всѣхъ его знавшихъ, вскорѣ по пріѣздѣ своею въ Москву, умеръ.

Въ тотъ же день, въ крѣпости разнесся слухъ, что будто бы на одномъ больномъ солдатѣ явились нѣкоторые признаки, предсказывающіе возвращеніе чумы. 31 марта, слухъ этотъ былъ еще догадкой, допускавшей сомнѣнія; 1 апрѣля, при вторичномъ появленіи тѣхъ же признаковъ на больныхъ, всѣ съ ужасомъ узнали о новомъ развитіи чумы. Столь важный случай заставилъ насъ съ невозможною поспѣшностію перейти въ лагерь, чтобы избѣжать вторичнаго оцѣпленія и избавиться отъ заразной тѣсноты въ стѣнахъ крѣпости; но, къ нашему несчастію, вскорѣ оказались больные съ явными признаками чумы даже и въ тѣхъ частяхъ войскъ, которыя были выведены въ лагерь. 2 апрѣля, командующій своднымъ корпусомъ генералъ Красовскій, узнавъ о появившейся въ нашемъ отрядѣ заразѣ, тотчасъ пріѣхалъ лично къ намъ въ лагерь, приказалъ вывести впередъ одну роту Копорскаго полка, самъ окружилъ весь лагерь двойною кордонною цѣпью, которая примыкала своими флангами къ берегу Дуная. Этимъ оцѣпленіемъ были внезапно остановлены разные проходившія въ то время воинскія команды, нѣкоторые чиновники, пріѣхавшіе по служебнымъ надобностямъ въ Гирсово или лагерь, равно также и 14 зафрахтованныхъ ино-

странныхъ и русскихъ кунеческихъ судовъ, пришедшихъ съ провiантомъ изъ Одессы и Браилова. На всѣ эти суда, впродъ до выдержанiя карантиннаго срока, были поставлены военные караулы.

Еще такъ недавно, радость, испытанная нами при открытiи свободнаго сообщенiя, превратилась теперь въ новое и совершенно неожиданное горе, тѣмъ болѣе, что никто не могъ положительно опредѣлить, когда окончится наше заключенiе.

Какъ въ самомъ лагерѣ, такъ и въ крѣпости, ежедневно оказывалось по нѣскольку человѣкъ нижнихъ чиновъ съ явными признаками чумы. Больныхъ немедленно отдѣляли отъ здоровыхъ и отправляли въ чумное отдѣленiе крѣпостнаго госпиталя. Почти никто изъ этихъ несчастныхъ не выздоравливалъ. Неумолимая смерть поражала свою жертву, по болѣеи части, на третьи или на четвертыя сутки; но нѣкоторые изъ зараженныхъ умирали въ 24 часа, и были даже примѣры скоростпжно умиравшихъ отъ чумной апoplexii:

Отличительные признаки чумной заразы заключались въ слѣдующихъ симптомахъ: заболѣвшiй впадалъ въ горлечное состоянiе, чувствовалъ сильную боль въ головѣ, необыкновенную слабость во всемъ тѣлѣ и особенно въ ногахъ, глаза дѣлались мутны, взоръ дико блуждалъ, языкъ покрывался густою бѣлою влагою, рѣчь дѣлалась невнятною, всѣ черты лица выражали мучительную тоску; появлялась немного выше паха продолговатая и одинаковаго цвѣта съ тѣломъ опухоль или желваки подъ мышками; у нѣкоторыхъ же больныхъ показывались на всемъ тѣлѣ синеваыя или пепельнаго цвѣта пятна, обыкновенно называемыя карбункулами.

Въ болѣеи части случаевъ признаки эти обнаруживались тотчасъ по зараженiи, у иныхъ же по истеченiи нѣкотораго времени и съ различными измѣненiями, смотря по ходу болѣзни. Должно замѣтить, что со стороны медика нужна была здѣсь особенная опытность въ распознаванiи чумной горячки отъ обыкновенной. Эту послѣднюю перѣдко смѣшивали съ первой, особенно при участiи овладѣвшаго всѣми паническаго страха. Трупъ умершаго отъ чумы заключалъ въ себѣ то отличительное свойство, что, кромѣ черныхъ пятенъ, выступавшихъ на поверхность, все тѣло было мягко, подобно вынутому изъ воды, и долго не коченѣло. Эта гибельная зараза дѣйствовала преимущественно на нижнихъ чиновъ. Менѣе прочихъ подвергались ей

дѣйствию офицеры и разныхъ сословій люди, не принадлежавшіе къ военному вѣдомству. По мнѣнію врачей, непосредственная причина этого неравенства въ зараженіи заключалась въ крайне тягостномъ положеніи солдатъ, въ ихъ худосочіи отъ недостатка питательной пищи, частью отъ испорченности крови и, наконецъ, отъ весьма большого скопленія людей въ палаткахъ или въ крѣпостныхъ казармахъ и домахъ. Тѣснота вообще служила главнѣйшимъ проводникомъ къ распространенію заразы; но неизбѣжны ея и тѣ, которые не подвергались этому неблагоприятному условію бивачной жизни солдата: въ самое короткое время сдѣлались жертвою чумы три офицера, карантинный чиновникъ и медикъ.

Общая смертность во всѣхъ отдѣленіяхъ гирсовскихъ госпиталей была очень велика, какъ это значилось въ запискахъ, доставляемыхъ отъ дежурныхъ по карауламъ. Каждый день вывозили за цѣпь, окружавшую нашъ лагерь, отъ 20 до 30 мертвыхъ тѣлъ. Какъ, бывало, грустно видѣть, когда роковая телѣга, запряженная парюю тощихъ лошадей, управляемыхъ такъ называемыми мортусами, то есть арестантами или плѣнными Турками, одѣтыми съ ногъ до головы въ черную смоляную одежду, подъ прикрытіемъ вооруженнаго конвола, выѣхавъ изъ крѣпостныхъ воротъ, медленно направлялась къ обширному кладбищу. Умершихъ сваливали въ одну общую могилу, безъ всякаго покрова.

На первый разъ, для уменьшенія, по возможности, заразы особливо составленный изъ крѣпости комитетъ опредѣлялъ и ближайшее надъ войсками начальство распорядилось принять нижеслѣдующія мѣры:

а) Вновь разбить мѣста для лагерныхъ палатокъ, съ значительными между ними интервалами, чтобы избѣжать сгушенія воздуха.

б) Принять за правило вывѣтриваніе вещей на воздухѣ и очищеніе ихъ, равно какъ и палатокъ, посредствомъ окуриванія.

в) Ежедневное освидѣтельствованіе всего находящагося въ оцѣпленіи народа.

г) Немедленно отдѣлять заболѣвающихъ и слабыхъ отъ здоровыхъ.

д) Выдерживать въ обсервационномъ карантинѣ установленный срока для выздоравливающихъ и выписанныхъ изъ госпиталей, и наконецъ

е) Строго держаться различныхъ гигиеническихъ мѣръ, заключающихся преимущественно въ опрятности бѣлья и чистотѣ тѣла, въ умѣренныхъ занятіяхъ работами и ученьями, въ хорошей, по возможности, пищѣ и, главное, въ поддержаніи бодрости и веселости духа.

По случаю наступленія страстной недѣли великаго поста, почти всѣ воинскіе чины православнаго исповѣданія, находившіеся въ лагерѣ, желали исповѣдаться и причаститься Св. Тайнъ; но совершеніе въ походной церкви богослуженія, при настоящихъ обстоятельствахъ, не было допущено. Строго запрещалось цѣлованіе креста и евангелія, равно также и съ наступленіемъ великаго праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія воспрещено было обыкновенное другъ съ другомъ христосоваться; ибо, по мнѣнію чумнаго комитета, все это могло еще болѣе развѣивать между людьми заразу. Трудно представить себѣ то чувство унынія, которое овладѣло всѣми вообще заключенными въ оцѣленномъ лагерѣ, и особенно солдатами, менѣе прочихъ понимавшими всю печальную необходимость столь строгихъ мѣръ осторожности. Когда въ самую полночь пушечные выстрѣлы изъ крѣпостныхъ бастіоновъ возвѣстили намъ торжественную минуту Воскресенія Христова, я былъ личнымъ свидѣтелемъ унизительнаго зрѣлища: почти во всѣхъ палаткахъ нашего лагеря теплились восковыя свѣчи, и люди, стоя на колѣняхъ, тихо и усердно молились Всемогущему Богу объ отвращеніи отъ насъ смертоносной заразы.

Въ самый праздникъ день наступилъ свѣтлый и жаркій; по великолѣпное утро вовсе не согласовалось съ грустнымъ настроеніемъ души каждаго изъ насъ. Дивизионный начальникъ князь Любомирскій приказалъ на его счетъ раздать всѣмъ нижнимъ чинамъ винныя порціи и бѣлые хлѣбы; мяса же въ этотъ день и самъ генералъ не имѣлъ. Послѣ полудня командующій корпусомъ генералъ Красовскій съ своею свитою подѣзжалъ къ передовой цѣпи нашего лагеря, желалъ насъ лично поздравить и узнать о настоящемъ положеніи здоровья чиповъ нашего отряда.

20 апрѣля, главный штабъ арміи, слѣдуя изъ Галацъ въ Черноводы по направленію къ Силистріи, остановился въ небольшой деревнѣ Гропочебанъ, лежавшей отъ Гирсова въ 4 верстахъ. На другой день, 21 числа, главнокомандующему графу Дибичу угодно было прислать въ нашъ лагерь полевого генералъ-штабъ—

доктора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Витта, для изслѣдованія степени и свойства существующей болѣзни, опредѣленія способовъ предохраненія отъ заразы и отдѣленія больныхъ или сомнительныхъ людей отъ здоровыхъ, по предварительному освѣдѣтельствуванію всѣхъ нижнихъ чиновъ, въ лагерѣ находящихся. Затѣмъ разрѣшено дивизионному начальнику слѣдовать съ вѣренными ему отрядомъ войскъ по данному назначенію.

Г. Виттъ осматривалъ гирсовскій госпиталь, его чумное отдѣленіе и потомъ, въ данныхъ имъ отъ себя отношеніи дивизионному генералу и предписаніи гирсовскому комитету, объяснилъ: «что эта заразительная болѣзнь не есть настоящая восточная чума, извѣстная по чрезвычайно быстрому опустошенію, которое она производитъ въ народѣ, но особаго рода и мѣсту свойственная болѣзнь, а именно: *чумообразная, первичастрическая, эндемическая горячка* и что она своей заразительностію не превосходитъ другихъ извѣстныхъ по причинчивости своей горячекъ, подъ названіемъ тюремной, корабельной, госпитальной и военнаго тифа, и наконецъ, что Гирсово есть гнѣздилище этой болѣзни по чрезвычайно своей неопытности и мѣстному положенію крѣпости». По всѣмъ этимъ соображеніямъ, г. Виттъ, будучи уполномоченъ отъ главнокомандующаго, данною ему властію, приказалъ оцѣпленіе съ лагеря снять, оставивъ оное только около крѣпости и тѣхъ мѣстъ, гдѣ были помѣщены больные и *подозрѣваемые въ заразу*; всѣхъ же прочихъ чиновъ, оказавшихся здоровыми, безъ всякаго карантиннаго испытанія, выпустить на присоединеніе къ главнымъ силамъ арміи, а задержанные купеческія суда освободить для возвращенія въ свои порты.

Между тѣмъ, несмотря на эти облегчительныя мѣры, несмотря также и на многосложное и учено-вычурное названіе, данное Виттомъ нашему недугу, нельзя было не согласиться съ безпристрастнымъ мнѣніемъ другихъ врачей, не имѣвшихъ при томъ никакой цѣли скрывать свои убѣжденія, что существовавшая между нами заразительная болѣзнь была дѣйствительно настоящая восточная чума. Начальникъ 6-й пѣхотной дивизіи, князь Любомирскій, желалъ съ своей стороны сдѣлать извѣстнымъ по вѣреннымъ ему войскамъ успокоительное заключеніе генералъ штабъ-доктора Витта на счетъ мнимаго существованія чумы и освобожденія отряда отъ тягостнаго для всѣхъ оцѣпленія, отдалъ при этомъ случаѣ нижеслѣдующій, собственноручно имъ написанный приказъ: «Вступленіе мое въ командованіе 6-й пѣхот-

ной дивизіей ознаменовалось тяжеломъ для меня минутой. Я перенесъ ее съ покорностью къ волѣ Божіей и съ той исполнительностью, каковой требуетъ военная дисциплина. Всѣ чины, находившіеся со мною въ оцѣпленіи, удостовѣрили, что я отъ нихъ не устранился и чувствовалъ даже нѣкоторое утѣшеніе дѣлать съ ними тягость ихъ состоянія, а если имѣлъ минуты унынія, то тогда только, когда видѣлъ войска, идущія безъ насъ впередъ. Сей первый шагъ мой да будетъ изъясненіемъ желанія моего пріобрѣсти отъ вѣранныхъ мнѣ войскъ довѣренность и привязанность, которыя, вмѣстѣ съ безусловнымъ повиновеніемъ, составляютъ твердое службы основаніе.»

Такъ какъ въ крѣпости Мачинѣ, гдѣ квартировали Софійскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Ахлестышевъ, свирѣпствовала подобная же болѣзнь и полкъ находился въ оцѣпленіи, то генераль-штабъ-докторъ, исполняя порученіе главнокомандующаго, 23 числа отправился въ эту крѣпость для такого же изслѣдованія, какъ въ отрядѣ, расположенномъ при Гирсовѣ.

Дивизионный начальникъ, сопутствуя г. Витту, взялъ меня съ собою, и того же дня мы прибыли въ Мачинѣ. Здѣсь заразительность была еще въ болѣеишей степени, ибо изъ одного баталіона и полковаго штаба въ теченіе  $1\frac{1}{2}$  мѣсяца умерло 187 чело-вѣкъ. Причины къ развитію заразы были тѣ же, что и въ Гирсовѣ.

На другой день мы ѣздили въ деревню Каменки, находившуюся отъ крѣпости въ 6 верстахъ, для медицинскаго осмотра квартировавшаго тамъ 2 баталіона Софійскаго полка. Хотя этотъ баталіонъ и находился въ благополучномъ состояніи здоровья, но для пресѣченія всякаго сообщенія содержалъ около себя строгое оцѣпленіе.

Деревня Каменка населена Некрасовцами или казаками знаменитой Запорожской Сѣчи, нѣкогда выпавшей изъ Россіи подъ начальствомъ своего атамана Некрасова и добровольно отдавшейся въ подданство турецкаго султана.

При вѣздѣ въ селеніе, насъ встрѣтили старшины деревни, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ и солью; молодые же люди, въ соломенныхъ шляпахъ и въ синихъ кафтанахъ, изъ-подъ которыхъ видѣлись изуроченныя шелкомъ рубашки, стояли поодаль въ особой толпѣ, а женщины сидѣли около своихъ домовъ, одѣтыя, болѣею частію, въ красныя сарафаны и съ русскими повязками на головахъ. Старшины деревни, объяснивъ генералу пре-

терпѣваемыя ими нужды и бѣдность, черезъ продолжительное оцѣпленіе, убѣдительно просили разрѣшить имъ свободное сообщеніе съ близъ лежащими мѣстами; когда имъ сказали, что мы собственно для этого и пріѣхали, то общая радость мгновенно распространилась по всей деревнѣ. Всѣ поселившіеся здѣсь Некрасовцы живутъ очень хорошо. Избы ихъ, весьма похожія на малороссійскія хаты, содержатся опрятно: народъ не измѣняетъ ни языку, ни древнимъ обычаямъ своихъ предковъ, и какъ мужчины, такъ и женщины говорятъ совершенно чисто по русски. Первые изъ нихъ, кромѣ того, хорошо знакомы съ молдаванскимъ и турецкимъ языками. Сохраняя православное исповѣданіе, всѣ вообще Некрасовцы придерживаются старообрядческаго толка и имѣютъ часовню, куда и собираются ежедневно для отправленія молитвословій.

Изъ частныхъ моихъ бесѣдъ съ обитателями деревни Каменки, можно было убѣдиться, что они совершенно довольны своимъ положеніемъ и, кажется, не имѣютъ никакого желанія перейти въ предѣлы своего прежняго отечества. А, право, досадно было видѣть, среди чуждой намъ земли, настоящую, вполне благоустроенную русскую деревню, жители которой извѣстны своимъ удалствомъ, храбростію и трезвостію. По окончаніи осмотра, произведеннаго генералъ-штабъ-докторомъ, дивизионный начальникъ, сдѣлавъ всѣ нужныя распорихженія къ приготовленію полка въ походъ, 25 апрѣля, отправился обратно въ Гирсово.

Прибывъ въ свой лагерь, старанія и заботы князя были устремлены къ тому, чтобы сколь возможно скорѣе приготовить къ походу и слѣдовать, но приказу главнокомандующаго, въ составъ резерва арміи, заключавшаго въ себѣ: два полка пѣхоты, Софійскій и Копорскій, одинъ казачій и двадцать орудій 6 артиллерійской бригады; но выступленіе было нѣсколько задержано тѣмъ, что отобранныя прежде у артиллеріи лошади не были еще приведены обратно.

Между тѣмъ, 4 числа мая прибыло съ лѣвой стороны Дуная отдѣленіе 3 фуриштатскаго баталіона, состоявшее изъ 24 прованскихъ фуръ, подъ командою майора Пашенко.

Еще до прибытія своего, штабъ-офицеръ этотъ уже доносилъ дивизионному начальнику о возникшей въ квартирномъ расположеніи его команды заразительной болѣзни; вслѣдствіе этого, при вступленіи оной въ нашъ лагерь, немедленно были освидѣтельствованы медикомъ всѣ офицеры и нижніе чины вступивша-

го отдѣленія; изъ числа ихъ трое солдатъ оказались съ нѣкоторыми признаками чумы, а одинъ изъ этихъ троихъ тутъ же на мѣстѣ, въ присутствіи начальника дивизіи, умеръ.

Это происшествіе побудило князя Любомирскаго оставить фуришатское отдѣленіе въ особое отъ лагеря мѣсто и оцѣпить его. Необходимость такой предосторожности подтвердилась на слѣдующій день еще другими весьма печальными случаями. Баталіонный командиръ, майоръ Пащенко, при вступленіи его команды, наравнѣ съ другими, подвергся медицинскому освидѣтельству и былъ найденъ совершенно здоровымъ; въ тотъ же день, онъ пилъ у меня въ палаткѣ чай и не чувствовалъ никакихъ признаковъ болѣзни. Но на другое утро онъ заболѣлъ, былъ отправленъ въ лазаретъ и въ ночь умеръ отъ чумы. Такая быстрая смерть человѣка, съ которымъ еще наканунѣ очень долго бесѣдовали, не могла не произвести на меня тяжелаго впечатлѣнія.

7 мая, прибыли изъ Черноводъ давно ожидаемыя артиллерійскія и полковыя подъемныя лошади, но въ такомъ жалкомъ видѣ, въ такой конской сбруѣ, что князь Любомирскій вынужденъ былъ отсрочить выступленіе еще на пять дней. Наконецъ, 10 числа присоединился къ нашему отряду Софійскій лѣхотный полкъ, и 12 мы тронулись съ мѣста.

Какъ только мы двинулись въ походъ, непритворная радость и бодрость духа замѣнили прежнее уныніе въ рядахъ нашего войска. Бросивъ послѣдній взглядъ на Гирсово, обширную гробницу нашихъ русскихъ братій, отдавъ имъ печальную дань сожалѣнія, весело пошли на присоединеніе къ нашимъ войскамъ, которымъ предстояла, какъ мы надѣялись, завидная участь покоренія не только Силистріи, но, можетъ быть, и самаго Константинополя.

Въ с. Черноводахъ, гдѣ былъ уже устроенъ значительный военный госпиталь и находились огромные склады продовольственныхъ запасовъ, къ нашей резервной колоніи присоединилось еще три артиллерійскихъ парка въ числѣ до 700 повозокъ и до 2,000 лошадей, слѣдовавшіе къ Силистріи и которые, по волѣ главнокомандующаго арміи, должны были состоять подъ прикрытіемъ войскъ нашего отряда. Сверхъ того, къ намъ примкнулъ еще казачій Ежова полкъ.

Мы слѣдовали по той же дорогѣ, по которой уже прошли къ Силистріи наши передовыя войска, а именно на селенія: Ивернеи, Кузгунъ, Кара-Арманъ и Гирлицы.

Отъ самаго Гирсова мы не имѣли другихъ растаховъ и почлеговъ, кромѣ бивуаковъ подъ открытымъ небомъ. Погода стояла прекрасная.

18 мая, на послѣднемъ переходѣ къ Силистріи, нашъ отрядъ былъ встрѣченъ командиромъ 2 пѣхотнаго корпуса, генералъ-адъютантомъ графомъ Паленомъ 1, доблестнымъ и знаменитымъ сподвижникомъ великихъ войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, а вслѣдъ за нимъ и самимъ главнокомандующимъ, графомъ Дибичемъ, съ многочисленною свитою. Его сіятельство ласково привѣтствовалъ насъ и въ нѣсколькихъ словахъ далъ уразумѣть войскамъ отряда, что они предназначаются къ непосредственному участію въ предстоящихъ арміи славныхъ подвигахъ.

Того же дня мы вступили на позицію, находившуюся между лѣвымъ флангомъ и центромъ.

Съ какимъ непонятнымъ удовольствіемъ я взглянулъ на мѣста, такъ хорошо мнѣ знакомыя по прошлогодней кампаніи. Казалось, каждая тропинка напоминала мнѣ что нибудь изъ исторіи моей бивуачной жизни во время бывшей осады Силистріи; но всего болѣе я обрадовался соединенію съ добрыми товарищами и моими братьями. Осада Силистріи была въ полномъ ходу: дѣлательно производились правильныя осадныя работы; войска занимали траншеи, а поставленные въ сооруженныхъ нами укрѣпленіяхъ орудія громилъ стѣны крѣпости. Въ то же время большое число батарей, устроенныхъ на противоположащихъ островахъ, почти безпрерывно производили, смотря по надобности, умѣренное или усиленное бомбардированіе. Черноморскія канонирскія лодки, спустившіяся внизъ по теченію отъ селенія Фундене и подѣлзавшія на весьма близкое разстояніе къ крѣпости, своими мѣткими выстрѣлами также причиняли значительный вредъ непріятелю, особенно вышнимъ его укрѣпленіямъ; но крѣпость не сдавалась, держалась твердо и упорно. Правда, въслѣдствіе времени, крѣпость была покорена нами; но твердость и мужество гарнизона заслужили величайшую похвалу, какъ отъ нашихъ славныхъ войскъ, такъ равно и отъ достойнаго ихъ начальника генерала Красовскаго, на долю котораго досталась честь покоренія въ настоящемъ году Силистріи.

24 мая, въ 8 часовъ утра, по данной диспозиціи, главные силы арміи, подъ личнымъ предводительствомъ графа Дибича, двинулись отъ крѣпости Силистріи по направленію къ Шуmlу въ нижеслѣдующемъ составѣ:

Три пѣхотныя дивизіи: 5, 6 и 7, въ числѣ 26 баталіоновъ, съ двумя ротами піонеровъ.

Полки 2 гусарской дивизіи и одной бригады уланъ, въ числѣ 24 эскадроновъ.

Два казачьихъ полка и 11 ротъ артиллеріи.

Главный штабъ арміи находился при этихъ войскахъ. Намъ уже извѣстно было, что мы назначены для отпора турецкой арміи, вышедшей изъ Шуmlы подъ начальствомъ верховнаго визиря, который имѣлъ намѣреніе вытѣснить наши войска изъ укрѣпленнаго мѣстечка Праводы, лежащаго у подножья Балканскихъ горъ.

Войска, занимавшія Праводы, принадлежали къ 6 пѣхотному корпусу и состояли подъ начальствомъ генералъ-маіора Купріянова, сдѣлавшагося извѣстнымъ своимъ мужествомъ и распорядительностію при защитѣ вѣреннаго ему укрѣпленія отъ многочисленнаго непріятеля.

Искуснымъ и быстрымъ движеніемъ главнокомандующій хотѣлъ, какъ видно, предупредить возвращеніе верховнаго визиря отъ Праводъ въ Шуmlу и встать на линію его сообщенія съ крѣпостью. Въ этомъ онъ успѣлъ совершенно.

Колонны нашихъ войскъ вытягивались на Базарджикскую дорогу; главная квартира имѣла свой первый ночлегъ при деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи. На другой день и во всѣ послѣдующіе, войска шли форсированнымъ маршемъ, иногда по такимъ мѣстамъ, гдѣ саперамъ нужно было предварительно расчищать дорогу для свободнаго слѣдованія артиллеріи и обозовъ. Наши бивуаки, располагавшіеся часто на самыхъ живописныхъ мѣстностяхъ, представляли картину, вполне достойную кисти художника. Представьте себѣ войска, утомленные походомъ, которые какъ муравьи копошатся на назначенныхъ имъ мѣстахъ, устраиваясь для почлега; вездѣ раздается шумный и смѣлый говоръ. Быстро запылали безчисленные костры на разныхъ пунктахъ позиціи; густой дымъ клубится въ воздухъ, и зарево бивуачныхъ огней, далеко освѣщая окрестность, обрисовываетъ, въ су-

---

(\*) Нынѣ генералъ отъ инфантеріи и членъ Военнаго Совѣта.

мракъ вечера, фантастическія тѣни мелькающихъ между огнями и толпящихся около своихъ артельныхъ котловъ солдатъ; другіе солдаты, вытянувшись длинной вереницей, ведутъ на волоокой своихъ усталыхъ лошадей или спѣшатъ устроить для нихъ походныя конюшни и раздать фуражныя дачи. Между тѣмъ, маркизанти, неразлучные спутники войскъ, проворно раскинувъ свои балаганы, предлагаютъ къ услугамъ всегда готовые у нихъ съѣстные припасы и напитки, и вотъ около этихъ утѣшительныхъ пріютовъ, словно рой пчелъ, жужжатъ и хлопочутъ офицеры, солдаты и денщики, покупающіе все, что нужно для бивуачнаго чая и непрехотливаго ужина.

Вездѣ и во всемъ видна широкая боевая жизнь, кипучая дѣятельность, какое-то молодечество и та счастливая беззаботность, которая такъ рѣзко характеризуетъ нашъ военный бытъ.

Наконецъ, шумный говоръ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ постепенно умолкаетъ, догорѣвшіе костры едва курятся и общая тишина водворяется на всемъ протяжении обширнаго военного стана. Только изрѣдка слышенъ протяжный окликъ часовыхъ или топотъ лошадей казачьихъ разъѣздовъ, оберегающихъ наше спокойствіе. О, какъ часто въ эти незабвенныя для меня минуты, лежа на разосланной буркѣ подъ тѣнію дерева, сквозь которую виднѣлся проблескъ луны, я долго не могъ сомкнуть глазъ, вспоминалъ о далекой Россіи!

28 числа, войскамъ было приказано выступить и во время похода соблюдать строгую тишину и осторожность: въ барабаны не бить, лѣсенъ не пѣть и огней не разводить. Около селенія Арнаутъ-Ларъ войска остановились для отдыха. Здѣсь, по приказанію главнокомандующаго, полевымъ оберъ-священникомъ совершенно было молебствіе, съ испрошеніемъ отъ Всемогущаго Бога благословенія на предстоящую намъ битву; при этомъ находились: главный штабъ арміи, всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры и по 100 человекъ нижнихъ чиновъ отъ каждаго полка. Послѣ окропленія войскъ и знаменъ св. водою, графъ Дибичъ обратился къ войску съ краткою, но сильною рѣчью, отъѣтомъ на которую было громкое, единодушное русское ура!

Вскорѣ предъ нами открылись отроги Малыхъ Балкановъ, и авангардные казаки начали приносить донесенія о появленіи непріятеля. 29 мая, утромъ, въ виду главнаго корпуса нашихъ войскъ, на высотахъ за мѣстечкомъ Энибазаромъ, произошла схватка аванпостныхъ казаковъ съ выѣхавшими изъ Шумлы ту-

рецкими всадниками и, вслѣдъ за тѣмъ, къ намъ привели до 40 человекъ взятыхъ при этой схваткѣ въ плѣнъ Турокъ, болѣею частию исколотыхъ казачьими пиками. Раненымъ Туркамъ, по приказанію главнокомандующаго, немедленно было оказано медицинское пособіе.

Въ этотъ же день авангардъ арміи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Крейца, занялъ съ боя позицію, обращенную фронтомъ къ Шумлѣ; между тѣмъ, послѣ произведенной лично главнокомандующимъ рекогносцировки, составленъ былъ еще особый авангардъ, изъ полковъ 11 и 12 егерскихъ, Иркутскаго гусарскаго, 8 орудій пѣшей и 4 орудій конной артиллеріи, и начальство надъ этими войсками ввѣрено командиру 3 бригады 6 пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Отрощенко. Отрядъ генерала Отрощенко расположился съ вечера между селеніями Кулевчи и Чирковкою, а ночью къ нему присоединился еще одинъ баталіонъ Муромскаго пѣхотнаго полка.

Остальные полки 6-й дивизіи: Невскій, Софійскій и Копорскій пѣхотные, съ прикомандированною къ нимъ 9 артиллерійскою бригадою, стали на позиціи близъ дороги, ведущей изъ Праводъ въ Шумлу. Всѣ прочіи войска арміи заняли назначенныя имъ по диспозиціи мѣста, и ночь на 30 мая мы провели въ глубокой тишинѣ.

Съ разсвѣтомъ, войска уже были готовы къ бою, нетерпѣливо ожидая развязки предстолщей намъ кровавой драмы. Главнокомандующій арміею, вмѣстѣ съ начальникомъ главнаго штаба барономъ Толемъ и генералъ-квартирмейстеромъ Бутурлинымъ, обѣзжали позицію нашихъ войскъ.

Вниманіе всѣхъ было обращено на непріятельскія силы, обнаружившіяся на верховьяхъ Кулевчинскихъ тѣсинъ. Часть этихъ войскъ, спустившись съ горъ, нѣсколько подвинулась впередъ и остановилась въ верстѣ предъ деревнею Чирковкою.

Около 11 часовъ утра, дежурный генералъ арміи, Обручевъ, прибывъ къ начальнику 6 пѣхотной дивизіи, князю Любомирскому, объявилъ ему приказаніе главнокомандующаго атаковать непріятеля.

Тотчасъ два полка 1-й бригады, Невскій и Софійскій пѣхотные, первый подъ командою полковника Крюкова, а второй полковника Ахлестышева, съ 4 орудіями 9 артиллерійской бригады, двинулись вправо отъ ложины, раздѣлявшей насъ отъ

авангарда; одновременно съ этимъ, генералу Отрощенко приказано было сбить передовыя непріятельскія войска.

Огонь нашей авангардной артиллеріи завязалъ бой.

Первоначальныя движенія нашихъ войскъ были связаны дѣйствіемъ маскированной непріятельской батареи; необходимо было овладѣть ею, и 11 егерскій полкъ, подъ командою незабвеннаго по своей храбрости подполковника Севастьянова, подкрѣпленный частію 12 егерскаго, съ 6 орудіями артиллеріи, быстро пошелъ на приступъ. Между тѣмъ, Иркутскій гусарскій полкъ, подъ командою полковника Тутчека, воспользовался отступленіемъ непріятеля за скаты горы, занялъ лежащую предъ нашей позиціей высоту; баталіонъ Муромскаго полка поддерживалъ это движеніе. Турецкая батарея вскорѣ замолкла; но въ то же мгновеніе весь авангардъ нашъ былъ атакованъ въ превосходномъ числѣ непріятельскою пѣхотою и конницею, которая до тѣхъ поръ, скрытая мѣстностью, съ быстротою молніи выскакала изъ засады и ринулась на наше войско.

Это происходило въ долину, недалеко отъ того мѣста, гдѣ стояли полки 6-й пѣхотной и другихъ дивизій. Въ началѣ дѣла мы были только зрителями и съ живѣющимъ любопытствомъ смотрѣли на схватку кавалеріи: намъ очень хорошо было видно, какъ эскадроны иркутскихъ гусаръ поочередно ходили въ атаку и, въ пылу стремительныхъ нападеній, то быстро гнались за опрокинутыми Турками, то сами, уступая превосходству непріятеля, отступали предъ отважными дельбашами, которые, разсыпавшись по всей долину, яркими толпами окружали нашихъ гусаръ, рубились съ ними и, наконецъ, врѣзались въ баталіонъ Муромскаго полка, сомкнувшійся въ каре. Здѣсь произошла самая кровопролитная сѣча. Звуки сабельныхъ ударовъ, ружейные и пистолетные выстрѣлы, вопли и крики сражавшихся сливались въ одинъ ужасный, дикій гулъ; вскорѣ этотъ несчастный баталіонъ нашей пѣхоты былъ въ полномъ смыслѣ слова изрубленъ и истерзанъ. Турки опрокинулись на остальную пѣхоту нашего авангарда, которая, бывъ подавлена массою непріятельскихъ силъ, несмотря на отличную храбрость начальника авангарда, генерала Отрощенко, и вѣранныхъ ему войскъ, отступила, оставляя за собой кровавый путь и устилая поле битвы трупами убитыхъ и тяжело раненыхъ... Упоенные первымъ успѣхомъ Турки все далѣе врывались въ наши колонны, Тогда командиръ 2-го корпуса, графъ Паленъ 1-й, поручилъ на-

чальнику своего штаба генералъ-маіору Герману немедленно выдвинуть впередъ полки 1-й бригады, Невскій и Софійскій, съ батарейною ротою 9-й артиллерійской бригады, имѣя въ резервѣ Конорскій пѣхотный полкъ съ 4 орудіями.

Лишь только войска эти, согласно даннаго имъ приказанія, двинулись впередъ, какъ уже фланги наши были быстро охвачены огромными массами турецкой пѣхоты и конницы. Казалось, пламенные дельбашы наши новую богатую жертву своему булату, еще дымившемуся кровью христіанъ; но Невскій и Софійскій полки, свернувшись въ полковыя каре, подѣ командой начальника дивизіи князя Любомирскаго и начальника штаба генерала Германа, мужественно отражали смѣлыя нападенія многочисленнаго непріятеля; пули и штыки поочередно дѣйствовали въ рядахъ нашихъ молодцовъ солдатъ, въ то время, какъ огонь нашей артиллеріи наносилъ непріятелю ощутительный вредъ. Около часа мы находились, въ полномъ смыслѣ слова, подѣ дождемъ турецкихъ пуль; офицеры и солдаты, то убитые, то тяжело раненые, безпрерывно выбывали изъ фронта. Были минуты, когда мы думали, что наши каре не выдержатъ столь жестокаго огня и поколеблутся; но, по мѣрѣ убыли, ряды храбрыхъ стѣснились все ближе и ближе и вновь живою стѣной удерживали натискъ изступленнаго непріятеля.

Между тѣмъ, къ войскамъ нашего праваго фланга присоединилась 1 бригада 2 гусарской дивизіи, съ четырьмя легкими орудіями и конно-артиллерійской батареей. Войска эти, подѣ начальствомъ генерала Арнольди, подоспѣвъ на помощь къ нашей утомленной пѣхотѣ, уравновѣсили бой. Вскорѣ гусарскіе полки: Эрцъ-Герцога Фердинанда и Павлоградскій, своими стремительными атаками, совокупно съ дѣйствіемъ артиллеріи, принудили непріятеля отступить на прежнюю его позицію передъ Кулевчинское дефиле.

Этимъ заключился первый актъ сраженія 30 мая. Очевидцемъ послѣдовавшаго затѣмъ въ этотъ же день боя я не былъ, потому что, тяжело раненый, былъ унесенъ съ поля битвы.

Главнoкомандующій арміею, пользуясь минутой отступленія Турокъ, поспѣшилъ замѣнить наши утомленные передовыя линіи свѣжими войсками и вообще всю боевую линію усилилъ резервами; затѣмъ, около 5 часовъ по полудни, бой снова завязался дѣйствіемъ артиллеріи и наступательнымъ движеніемъ полковъ 5 пѣхотной дивизіи.

Начальникъ главнаго штаба арміи баронъ Толъ находился впереди колоннъ, лично устроилъ батареи, далъ направленіе ихъ выстрѣламъ, и тогда началась сильная съ обѣихъ сторонъ пушечная канонада. Главнымъ и, конечно, самымъ важнымъ ея послѣдствіемъ для кулевчинскаго боя было взорваніе на воздухъ нѣсколькихъ турецкихъ пороховыхъ зарядныхъ ящиковъ, находившихся между непріятельскими войсками. Вполнѣ удачное дѣйствіе это было произведено выстрѣлами изъ конно-артиллерійскихъ орудій, состоявшихъ подъ командою артиллерійскаго офицера капитана Бобылева 1-го.

Турки, ошеломленные ужасомъ отъ взрыва и смѣлымъ, рѣшительнымъ нападеніемъ главныхъ силъ нашихъ войскъ, дрогнули и обратились въ бѣгство, оставивъ въ добычу побѣдителямъ свой лагерь, всю артиллерию, свыше 40 орудій, до 5,000 пѣшныхъ, множество разнаго рода оружія и весь многочисленный обозъ, съ большимъ количествомъ продовольственныхъ запасовъ и разнаго багажа, въ числѣ котораго была парадная карета верховнаго визиря.

Командиръ 2-го корпуса, графъ Паленъ 1-й, живо преслѣдовалъ бѣгущихъ Турокъ, которые, разсыпавшись по горнымъ тропинкамъ, съ чрезвычайнымъ урономъ пробрались въ Шумлу.

Такъ кончился второй актъ этого сраженія, принесшаго намъ огромныя выгоды.

По собранымъ приблизительнымъ свѣдѣніямъ, Турки потеряли въ продолженіе кулевчинскаго боя и своего бѣгства до 8,000 человекъ убитыми, ранеными и доставшимися въ плѣнъ. Потери съ нашей стороны была также немаловажна: изъ официальныхъ донесеній извѣстно, что мы лишились убитыми 32 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,239 нижнихъ чиновъ, ранеными 2 генераловъ, 29 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,009 нижнихъ чиновъ.

Самая чувствительная потеря была понесена полками 6-й пѣхотной дивизіи, которые первые вступили въ сраженіе. Иркутскимъ гусарскимъ полкомъ, несчастнымъ баталіономъ Муромскаго пѣхотнаго полка, изъ котораго осталось только нѣсколько человекъ, ротами 9-й артиллерійской бригады, преимущественно дѣйствовавшими въ продолженіе боя.

Къ сожалѣнію моему, не находясь за раной въ дѣлѣ, я не могу передать здѣсь многихъ замѣчательныхъ подвиговъ мужества, присутствія духа и храбрости, оказанныхъ въ этомъ сраженіи нѣкоторыми офицерами всѣхъ чиновъ, о которыхъ тогда,

въ кругу товарищей, ходили живые рассказы; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу умолчать, что одинъ изъ братьевъ моихъ, находясь адъютантомъ при авангардномъ начальникѣ, генералѣ Отрошенко, имѣлъ счастье, въ минуту величайшей опасности, спасти переданное ему полковымъ командиромъ 11 егерскаго полка, полковникомъ Севастьяновымъ, сорванное съ древка знамя 1-го баталіона и представить его въ главную квартиру, за что онъ тогда и былъ удостоенъ лестною, отъ главнокомандующаго, наградою.

Всѣ вообще раненные въ сраженіи 30 мая были собраны на бивуакъ около селенія Мадре, гдѣ полковые медики, подъ главнымъ надзоромъ полевого штабъ-доктора Витта, дѣятельно оказывали имъ усердное пособіе.

Еще громовые перебаты сильной пушечной канонады, при вторично предпринятой главнокомандующимъ атакѣ непріятеля, долетали до нашего слуха, какъ, около 7 или 8 часовъ по полудни, прискакалъ къ намъ съ поля сраженія адъютантъ графа Дибича, князь Трубецкой, и поздравилъ насъ съ одержанною надъ непріателемъ полною побѣдою.

Невыразимое чувство радости, разлившееся въ сердцахъ раненныхъ воиновъ, которые своею кровію содѣйствовали успѣху этого дня, вскорѣ уступило мѣсто другому, еще болѣе умиленному ощущенію.

Командовавшій авангардомъ, храбрый генералъ-маіоръ Отрошенко, который въ этомъ дѣлѣ получилъ тяжелую рану, пригласилъ одного изъ находившихся на бивуакѣ полковыхъ священниковъ отслужить на мѣстѣ благодарственный молебенъ.

Лишь только раздалось пѣніе св. молитвъ, то всѣ изувѣченные офицеры и солдаты, еще обогранные свѣжею кровію, забывъ свои страданія, усиленно стремились приблизиться къ походному лагерю и тамъ, со слезами умиленія, соединили свои горячія молитвы къ Богу, испославшему намъ побѣду и одоленіе надъ врагами. Подобныя минуты долго не забываются.

На другой день сраженія, утромъ, главнокомандующій обошелъ пѣшкомъ весь бивуакъ раненныхъ, поздравляя съ торжествомъ нашего оружія, благодарилъ за мужество и храбрость, оказанныя войсками, и каждого раненаго офицера удостоилъ самымъ благосклоннымъ разговоромъ. Доброта души графа Дибича ясно выражалась въ его живомъ и искреннемъ участіи, въ

его особенной попечительности о раненыхъ и даже въ самомъ желаніи скорѣе украсить воиновъ тѣми наградами, которыя были предоставлены его власти. Такъ, по приказанію его, въ тотъ же день, избраннымъ отъ начальства офицерамъ и нижнимъ чинамъ, особенно отличившимся въ сраженіи 30 мая, графъ Дябичъ лично объявлялъ: нѣкоторымъ производство въ чины, а другимъ разные ордена и знаки отличія, поощлявалъ каждого изъ нихъ, въ ознаменованіе своей особенной признательности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій отдалъ приказъ по арміи, содержаніе котораго я сохранилъ въ своихъ походныхъ запискахъ. Вотъ онъ вполнѣ:

Главная квартира лагерь при Мадре, 31 мая 1829 года.

«Храбрые воины!

«Богъ услышалъ нашу молитву къ Нему, за два дня предъ симъ на маршъ подъ небомъ принесенную. Всемогушествомъ Его дарована намъ знаменитая побѣда надъ непріятельскою арміею, предводимую верховнымъ вилзеремъ, въ числѣ до 40,000 чело-вѣкъ, наиболѣе изъ регулярныхъ войскъ, изумленныхъ неожиданнымъ появленіемъ нашихъ на поляхъ около Шумлы и слившихся съ дерзостію, отчаяніемъ возбужденною, прорваться въ Шумлу.

«Армія турецкая совершенно разбита и остатки ея опрокинуты въ тѣ же дефиле, изъ которыхъ было стремленіе пробиться.

«Отъ пораженія и быстрого, такъ сказать, преслѣдованія на плечахъ, непрітели кидаютъ оружіе и рассыпаются по одиночкѣ въ лѣсахъ между горъ.

«Донинѣ извѣстные трофеи нашей побѣды: 40 пушекъ съ зарядными ящиками, весь лагерь, всѣ какіе были только обозы и большое число плѣнныхъ. Наша потеря въ этомъ сраженіи не мажоважна, не столько по числу, сколько по достойному соревнованія мужеству нашихъ воиновъ, на полѣ чести и славы павшихъ за Вѣру, за Государя и Отечество; но блистательныя побѣды рѣдко бываютъ безъ потери.

«Прежде всего, храбрые воины, возблагодаримъ Всемогущаго Бога за явленную намъ свыше помощь, а непосредственно затѣмъ я, пользуясь лестнымъ правомъ предводительства надъ вами, которымъ удостоенъ отъ Всемилостивѣйшаго Государя,

поздравляю васъ съ дарованною намъ десницею Вышняго и вашимъ мужествомъ побѣдою и спѣшу отличить всѣхъ тѣхъ, награжденія коихъ мнѣ предоставлены, а о прочихъ вхожу съ представленіемъ къ Государю Императору. Тутъ же считаю умѣстнымъ присовокупить къ вамъ, храбрые воины, мое убѣжденіе и мое, какъ вашего военачальника, приказаніе: поражать однихъ противящихся съ оружіемъ въ рукахъ непріятелей и щадить преклоняющихъ оное и просящихъ съ покорностію помилованія.

«Одному варварству прилично лишать жизни безоруженнаго непріятеля.

«Свойствомъ русскаго солдата было, есть и навсегда должно остаться — великодушіе надъ побѣжденнымъ и пощада безоруженному.»

На другой день сраженія пошелъ проливной дождь, и положеніе раненыхъ, лежавшихъ на сырой землѣ, сдѣлалось невыносимо. На обширномъ бивуакѣ безпрестанно раздавались стоны и вопли отъ холода, мокроты и нестерпимой боли свѣжихъ ранъ; но тягостнѣе всего было видѣть обезображенныя лица нѣкоторыхъ несчастныхъ солдатъ, которымъ непріатели съ варварскимъ ожесточеніемъ отрѣзывали уши и носы.

Мнѣ достали маленькую солдатскую палатку, подъ которой я лежалъ четыре дня на землѣ, съ мучительною болью отъ раны, съ раздробленной костью правой ноги; но въ эти тяжкія минуты я былъ постоянно окруженъ попечительною заботливостію двухъ моихъ братьевъ, которые ухаживали за мною со всею нѣжностію и горячію искренней дружбы.

4 іюня, транспортъ раненыхъ былъ готовъ къ отъѣзду, и я, выйдя съ ранеными генералами, Отрощенко и Глазенапомъ, по сдѣланному отъ нихъ приглашенію, долженъ былъ отправиться изъ дѣйствующей арміи въ крѣпость Варну.

Меньшой мой братъ испросилъ позволеніе проводить меня и своего бригаднаго генерала. Намъ дали для конвоя взводъ гусаръ Елисаветградскаго полка, и мы, бросивъ послѣдній взглядъ на крѣпость Шумлу, на лагерь русскихъ войскъ и на грозныя Балканы, невольно вздохнули о томъ, что намъ уже не суждено болѣе участвовать въ будущихъ славныхъ подвигахъ нашей арміи.

Того же дня, послѣ полудня, мы догнали колонну военнопленныхъ Турокъ, взятыхъ въ кулевчинскомъ сраженіи, и наши трофеи — полевую турецкую артиллерію, которую везли на волахъ. Горделивые мусульмане, обезоруженные и окруженные сильнымъ конвоемъ, шли густой толпою въ своихъ разнородныхъ костюмахъ. Тутъ были и Албанцы, и Анатолийцы, и даже много Арабовъ; раненыхъ пленныхъ везли на каруцахъ и имъ оказывали самое великодушное пособіе и попеченіе. Солдаты регулярнаго войска Низамъ-Джежида были, болѣею частію, весьма молодые люди, еще не привыкшіе къ трудамъ военной жизни; прочіе же принадлежали преимущественно къ народному ополченію. Всмотрѣваясь въ лица военнопленныхъ, нельзя было не замѣтить въ ихъ чертахъ общаго унынія и какую-то мрачную дикость во взглядѣ.

8 іюня, мы достигли Варны, въ полной надеждѣ, что здѣсь найдемъ желаемое для себя успокоеніе; но, вмѣсто того, подѣхавъ къ лагерю нашихъ войскъ, расположенныхъ около крѣпости, мы получили увѣдомленіе отъ военнаго губернатора, генералъ-адъютанта Головина, что, по случаю оказавшейся въ Варнѣ чумной заразы, никакіе транспорты раненыхъ и больныхъ не могутъ быть приняты, и что вслѣдствіе того мы должны отправиться въ городъ Бальчикъ, лежащій отъ Варны въ 40 верстахъ. Дѣлать было нечего, и мы отправились въ дальнѣйшій путь.

Вскорѣ нужно было подняться по чрезвычайно трудной и каменистой дорогѣ на весьма высокую гору, съ вершины которой намъ представилась великолѣпная панорама: вся крѣпость Варна, озаренная лучами южнаго солнца, лежала у нашихъ ногъ, и Черное море, въ его необъятномъ пространствѣ, несло на своихъ волнахъ суда и корабли, плывшіе изъ предѣловъ нашего благословеннаго отечества.

Наконецъ, къ вечеру того же 8 іюня, мы прибыли въ городъ Бальчикъ, гдѣ предъ городской заставой насъ встрѣтилъ докторъ, одѣтый для предосторожности въ черную смоляную одежду. Онъ предварительно насъ освидѣтельствовалъ и не прежде, какъ удостовѣрся въ томъ, что мы не заражены чумой, позволилъ вѣхаться въ городъ.

Бальчикъ, лежащій на берегу Чернаго моря, раскинутый на нѣсколькихъ холмахъ, раздѣленныхъ между собою глубокими

оврагами, утопаетъ въ густой зелени своихъ многочисленныхъ садовъ и огородовъ. Лучшая же часть города расположена на набережной, гдѣ находится довольно много большихъ каменныхъ зданій, которые были заняты въ то время подъ военные госпитали.

Сопутствовавшій мнѣ до Бальчика мой младшій братъ долженъ былъ возвратиться обратно въ армию, и я остался въ отведенной мнѣ квартирѣ одинъ, съ душевною скукою и съ томительною праздностію: книгъ не было, никакихъ другихъ занятій въ настоящемъ моемъ положеніи я не могъ имѣть; только участіе и бесѣда двухъ почтенныхъ генераловъ, Отрощенко и Глазенапа, довольно часто навѣщавшихъ меня, доставляли мнѣ утѣшеніе и удовольствіе, за которые я буду всегда хранить къ нимъ чувство самой глубокой признательности. Большую часть дня я проводилъ въ постели; но иногда, въ прекрасный лѣтній вечеръ, предъ закатомъ солнца, меня выносили предъ окна моей квартиры и клали на разостланный на землѣ коверъ.

Такимъ образомъ печально и однообразно проходило время; наконецъ, въ одинъ счастливый день, я былъ обрадованъ полученнымъ мною изъ дивизіоннаго дежурства казеннымъ конвертомъ, въ которомъ заключались: данный мнѣ главнокомандующимъ арміею, по предоставленной ему власти, орденъ св. Владимира 4 степени съ бантомъ и увольненіе въ отпускъ впредъ до излеченія раны, съ сохраненіемъ получаемого мною жалованья и съ выдачей прогонныхъ денегъ. Тогда, въ порывѣ благодарности, я не могъ не повторить справедливой и утѣшительной русской пословицы: «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ».

Раненые генералы, получивъ также увольненіе въ Россію, вновь пригласили меня ѣхать вмѣстѣ съ ними въ г. Яссы, на что, разумѣется, я охотно согласился, и 12 іюля всѣ наши вещи были уже уложены; коляска, двѣ брички и двѣ повозки, запряженные собственными нашими лошадьми, стояли на улицѣ. Помолясь Богу, мы сѣли и отправились въ путь. Здѣсь я не могу не вспомнить съ особенной признательностію о неутомимыхъ трудахъ и заботливости почтеннаго доктора Райскаго, который пользовалъ насъ съ самымъ благороднымъ и безкорыстнымъ усердіемъ и искусствомъ. Такихъ добросовѣстныхъ врачей, какъ

г. Райскій, можно, по всей справедливости, называть истинными друзьями человечества.

Путевой маршрутъ нашей поѣздки до г. Яссъ мы избрали на нижеслѣдующія мѣста: Коварну, Мангали, Кистенджи, Гирсово, Бранловъ, Галацы, Фальчи; но такъ какъ на всемъ протяжении этого пути болѣе или менѣе свирѣпствовала чуждая зараза или другія эпидемическія болѣзни, то, для предохраненія себя отъ зараженія, мы никогда не останавливались ни въ городахъ, ни въ селеніяхъ, а обыкновенно избирали для отдохновъ и даже для почлега чистое поле, подъ открытымъ небомъ.

Конечно, подобное путешествіе, хотя и въ прекрасное время года, не могло быть покойно и удобно для насъ раненыхъ, тѣмъ болѣе, что, проѣзжая вдоль морскаго берега и потомъ около Дуная, мпріады несносныхъ комаровъ и мошекъ до того терзали насъ ночью, что мы должны были каждый разъ, сдѣлавъ изъ нашихъ экипажей каре, раскладывать внутри его курево изъ бурьяна и камыша, съ тѣмъ, чтобы ѣдкій дымъ хотя сколько нибудь удалялъ отъ насъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Дымъ курева не могъ быть пріятнымъ; но изъ двухъ золъ мы выбрали меньшее.

Миновавъ Фальчи, мы увидѣли раскинутый подъ этимъ городомъ на берегу р. Прута лагерь, который заключалъ въ себѣ до 6,000 человекъ храбраго турецкаго гарнизона крѣпости Силистріи, взятыхъ въ плѣнъ генераломъ Красовскимъ; эти военнопленныя, подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ, слѣдовали въ Леовскій карантинъ для перехода въ Бессарабію и оттуда въ Россію, гдѣ они должны были оставаться впредь до заключенія мира.

24 іюля, утомленные пятисотъ-верстною дорогою и нашими бивуаками, мы благополучно прибыли въ г. Яссы. Здѣсь я весьма комфортабельно поселился, вмѣстѣ съ генераломъ Отрощенко, въ одномъ обширномъ, прекрасно меблированномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ богатому молдавскому боярину, имени котораго я не помню. Мы пользовались всевозможными удобствами; но отъ неизбежнаго вліянія тамошняго климата насъ постигла мучительная молдавская лихорадка. Не только генералъ и я подверглись этой ужасной болѣзни, но и вся наша

прислуга также переболѣла, и было время, когда мы съ большимъ трудомъ могли подавать взаимную другъ другу помощь.

Такимъ образомъ прошелъ июль и болѣе половины августа мѣсяца. Въ Яссахъ мы узнали о переходѣ нашихъ войскъ чрезъ Балканы, о занятіи нѣсколькихъ, лежащихъ по ту сторону горъ, турецкихъ городовъ; между прочимъ, второстепенной столицы Оттоманской имперіи, г. Адрианополя, и, наконецъ, о начатыхъ уже переговорахъ къ заключенію славнаго для Россіи мира.

Можно вообразить, сколько радости и удовольствіи доставили намъ эти важныя извѣстія о новыхъ и громкихъ побѣдахъ нашего оружія!

Нужно было сколько нибудь укрѣпить силы для предстоящаго мнѣ дальняго путешествія; но вотъ желанный часъ отъѣзда насталъ, и я, простившись не безъ душевной горести съ доблестнымъ генераломъ и добрѣйшимъ человекомъ Яковомъ Осиповичемъ Отрошенко, 26 августа выѣхалъ изъ Яссъ.

Мнѣ предстояло еще тяжкое испытаніе выдержать шести-недѣльный срокъ пребыванія въ двухъ карантинныхъ, учрежденныхъ при мѣстечкѣ Скулинахъ и при г. Могилевѣ на Днѣстрѣ. Благодаря Бога, я перенесъ это, но, конечно, долго не забуду, что пришлось перетерпѣть отъ болѣзни, скуки, разныхъ лишеній и всякаго рода неудобствъ. Но всему есть конецъ, и вотъ 5 октября, когда заключился періодъ карантинныхъ испытаний, меня, съ сопровождавшимъ человекомъ и моими вещами, очищенными по всѣмъ правиламъ карантиннаго устава, какъ птичекъ изъ клітки, выпустили на полную свободу. Время года уже было холодное и сырое; но, несмотря на это, а также и на темныя осеннія ночи, я съ жадностію спѣшилъ воспользоваться своею свободою и, кажется, не ѣхалъ, но летѣлъ на почтовыхъ чрезъ города: Кіевъ, Орелъ, Калугу, Москву и Ярославль, до губернскаго города моей родины—Костромы. Здѣсь, часовъ въ 10 вечера, подѣхавъ къ знакомому мнѣ каменному дому, въ которомъ жило мое семейство, и тихо остановясь у крыльца, я кое-какъ взобрался на лѣстницу; здѣсь, вздохнувъ немного и опираясь на пару костылей, вошелъ въ залу, худой, блѣдный и изнуренный до крайней степени.

Я въ моей семьѣ. Ощущенія подобныхъ встрѣчъ не передаются въ обыкновенной формѣ разсказа; но, безъ сомнѣнія, онѣ

поплатны всякому, у кого есть чувство, душа и сердце. На другой день утромъ, призвавъ приходскаго священника, я попросилъ отслужить благодарственный молебенъ милосердому Богу за возвращеніе меня на св. родину. Для полноты нашего общаго семейнаго удовольствія недоставало только присутствія двухъ моихъ братьевъ, находившихся въ то время далеко отъ отечества, за вершинами Балканскихъ горъ, на пути къ Константинополю.

АЛЕКСАНДРЪ МАКАВЬЕВЪ.

---